
МЫ И КУЛЬТУРА СЕГОДНЯ № 1
МИКС-а
Журнал учрежден Свердловским ГК ВЛКСМ
SHARP
CM
RM

Главный редактор

Лариса ШАТОВА

Над номером работали:

Екатерина ДОЛГОВА
Андрей МАТВЕЕВ
Марина СТОЛБОВА

Художники:

Андрей МАРЕЕВ
Александр МОХИН

Фото:

Игорь ГОРЯЧЕВ
Владимир КУНИН

Корректор

Ирина ТРУШНИКОВА

Издательство «Лига»

МИКС

Содержание

Мы признательны вам за вашу решимость

подарить часть своего времени нашему первенцу. Идея, которая будоражила наши головы многие месяцы, наконец-то обрела форму. Трудности остались во вчерашнем дне. Точнее, хочется в это верить. Как верить и в то, что впереди лишь муки творчества и бескрайний мир культуры. Не вдаваясь в суть научных трактовок этого понятия, скажем о ее благороднейшей функции. Латинское слово cultura — не что иное, как возрождение, возделывание человеческого в человеческом, а именно — трех ипостасей: Истины, Добра и Красоты.

Когда начинает выходить новый журнал, то сразу же возникает вполне закономерный вопрос: зачем? Так вот, главное, ради чего журнал был нами задуман и появляется на свет — это культура, и не в конкретно-бытовом или — более того — декларативно-музейном плане, а культура — как единение эстетических, философских, религиозных эзотерических и иных ценностей, говоря проще, культура — как бытие, тот стержень, который, будучи изготовленным из самых разных, иногда несопоставимо полярных материалов, присутствует в жизни любого человека, а — соответственно — жизнь любого человека так или иначе связана с этим понятием.

Сегодня, бросившись всей страной на поиски истины бытия, мы ломаем копья вокруг обновления политической и экономической систем, но упускаем главное. Возрождение души не может осуществить ни та, ни другая. Возрождение души — это впитывание накопленных человечеством ценностей, всей культуры, духовной и материальной. Путешествие в этот многоликий мир мы и предлагаем вам, дорогие читатели.

Аббревиатура МИКС имеет и самостоятельное значение. Mix — это смесь. Насколько она будет вкусна, зависит от способностей мастера.

Mix — это единое в многообразии. Вот почему на наших страницах будут всевозможные жанры и стили, разные люди и профессии. Мы одинаково ценим и переводы, и оригинальную литературу, и эссе, и архивные публикации. И массовая культура, и культура элитарная — все это будет в орбите нашего внимания, точно так же, как наше настоящее и прошлое.

О чем же мы поведем разговор с вами? О возвращении общечеловеческих ценностей жизни. Перефразируя Достоевского: да спасет мир красота человеческих чувств и отношений.

Это лирическое отступление — маленький ключ к журналу. Сможет ли он стать вашим другом? Покажет время. А пока, если у вас хорошее или плохое настроение и погода вновь обманула ваши ожидания, не задумываясь, отправляйтесь в 160-страничное путешествие. И даже тот факт, что вы — первопроходец, надеемся, доставит вам удовольствие.

Человек размышляющий

HOMO MEDITANS

«Человек размышляющий...» «Homo meditans.» **Что же мы планируем в этой рубрике? Естественно, что это будут интервью и диалоги с теми собеседниками, которые могут сказать что-то большее, чем элементарный набор из нескольких общепринятых истин. И совсем необязательно, чтобы наши собеседники были людьми известными или — более того — популярными. Форма же диалога-интервью должна наиболее оптимально выявить те сильные (как одновременно и слабые) стороны, что присущи той или иной личности, на которую пал выбор журнала.**

Но начинаем мы со встречи с человеком известным, более того — в определенной среде популярным. Это поэт Илья Кормильцев, хорошо знакомый многим как автор текстов группы «Наутилус-Помпилиус». «Человека размышляющего» первого номера журнала «МИКС» представляет прозаик Андрей Матвеев.

И.КОРМИЛЬЦЕВ:

Кризис культуры?

Нет... Смерть гуманизма!

Я знаю Илью Кормильцева почти десять лет и не могу сказать, чтобы все эти годы общение наше шло лишь вокруг того феномена, который называют рок-музыкой. Более того, именно о рок-музыке в последние годы мы говорим с ним все меньше и меньше, хотя на это у каждого из нас свои причины. И тот диалог (точнее — монолог Ильи, лишь изредка прерываемый моими репликами,— большей частью именно репликами, а не вопросами, оттого-то это и не интервью), который сейчас прочитает читатель, создает совершенно иной образ Кормильцева, чем общепринятый, введенный в оборот масс-медиа.

Илья — человек не просто размышляющий (а такое состояние для него постоянно), но делающий это парадоксально и очень остро. Я бы даже сказал, что мысли его всегда провоцируют, и это касается всего, о чем бы он ни говорил. Впрочем, человек он большой эрудиции и высокой культуры, а значит, что в этих его парадоксальных и провоцирующих размышлениях есть некая аналогия тяги к приключениям у прирожденного авантюриста. Проще говоря, иначе он не может.

Как же отнестись к тому, что вошло в часовую кассету японской фирмы ТДК, которую наговорили мы одним, не так уж и давним, зимним днем? Не буду давать оценок и комментариев, скажу лишь, что я — и это для него не является неожиданностью — во многом с ним не согласен, и прежде всего в том, что касается формулировки «смерть гуманизма». У абстракций есть свои сильные стороны, но есть и слабые, в данном случае это то, что мы, русские, гуманизма этого пока еще так и не видели, а — как говорится в одном анекдоте — очень хочется. Но и сильны абстракции тем, что в них есть своя железная логика, которая не просто убеждает, а переубеждает, или хотя бы стремится к этому. Но не буду забегать вперед, пусть уже известное мне станет достоянием многих.

Андрей Матвеев

А. М. Давай начнем с того, что культура — это не какое-то отвлеченное понятие, культура — это тот микрокосмос, в котором человек существует. И раз мы выбираем такую тему, как кризис культуры, то надо прежде всего подумать, а стоит ли об этом говорить на фоне того, что происходит в стране сегодня?

И. К. Начнем с того, что говорить об этом стоит, и именно на фоне того, что происходит в нашей стране. Ведь чрезвычайная ситуация должна бы, по идее, привести к совершенно невероятным культурным событиям. Тем не менее мы наблюдаем провинциальную затхлость культурных реакций, возникающих в окружающих нас экстраординарных ситуациях. Срабатывают рефлексы неглубокого уровня, и никаких космических откровений, никаких свершений духа не происходит. Вершится же какой-то общий обвал, от которого пахнет болотом. Но самое интересное, что Запад, противопоставляемый нам сейчас как некая цель, идеал, мечта, находится в лоне очень сходных процессов.

А. М. Ты уже опередил мой вопрос...

И. К. ...Ведь мы говорим сейчас о вещи, которая имеет значение для всей человеческой цивилизации. Назовем это кризисом культуры.

А. М. Может, о западной цивилизации и западной культуре мы поговорим чуть позже?

И. К. Мне бы не хотелось отрываться от проблем Запада в их сопоставлении с Россией. Потому что сейчас больше волнуют моменты сходства, чем различия. Хотя бы потому, что моменты различия уже пережеваны большим количеством мозговых шестерен, мясорубкой, которая жевала этот фарш усилиями как внешней, так и внутренней эмиграции на протяжении 70 лет. Все эти различия давно найдены. Значительно меньше за это время думалось о сходстве. Сходства были как-то не в моде.

А. М. Ты не так давно вернулся из Италии, где был почти полтора месяца. Это достаточно большой срок для человека, который долгие годы был невыездным, как почти все люди нашего поколения. Так что у тебя была возможность самому заметить эти сходства на примере столь близкой тебе латинской культуры, которая достаточно отлична от славянской.

И. К. Скажем так, как раз там для определенной части людей отношение к культуре еще не вышло из рамок Ренессанса. Культура — как повседневная реальность. А наступление на нее идет с двух сторон: из-за океана и с Востока. И Европа в этом плане представляет какую-то не во всем совершенную, во многом небезупречную цитадель, которая могла бы стать объектом критики, но это все-таки цитадель...

А. М. Европа еще живет в дошпенглеровском понимании культуры?

И. К. Европа во многом живет еще в ренессансном понимании культуры. И это несмотря на все модернистские волны, несмотря на все то, что было в XX веке. Это слишком корневая традиция, которая просто так прерваться не может и которая, очевидно, подпитывается многими историческими и человеческими факторами. Мне кажется, что у духа, духовности есть материальная масса. Так же как и у энергии, которая, согласно Эйнштейну, может быть выражена через массу. А масса — обратно через энергию. И чем больше материальная масса, накопленная духом, тем труднее ее искоренить. Такая материальная масса культуры выглядит элементарно: это информация, это тексты, пергаменты, буквы, камни. Пока они существуют, существует в материальной форме и культура. Она может быть забыта, оставлена в пренебрежении, но она не мертва, потому что она всегда может «выскочить» наружу, как «выскочили» после

средневековья все греческие рукописи, как бы их не стирали. Как появились все эти раскопанные гуманистами древние камни. Они «выскочили» наружу, и оказалось, что все это живо. Хотя какие-то фрагменты, естественно, утерялись. И на этом фоне колоссальной массы культуры в Европе — очевидна, скажем так, точность решения, найденного коммунизмом в отношении культуры и путей ее искоренения. То есть удар был направлен на искоренение самой этой массы, а не только против людей, которые ее несут. Можно искоренить всех носителей языка, но всегда найдутся люди, которые попробуют расшифровать эти рукописи снова. Проще искоренить сначала все рукописи, чтобы не было у человека возможностей найти их даже в библиотеках.

А. М. Чтобы забыли, как выглядит Спаситель, нужно уничтожить все иконы.

И. К. Да, поэтому точность наступления, которое было предпринято в этой стране на культуру, состояла именно в понимании того, что культура имеет материального носителя. Причем, как правило, люди некультурные, люди, вышедшие из низов, эти вещи понимают гораздо лучше, чем люди, которые замыкаются на абстракциях духа и считают, что рукописи не горят. Очень даже хорошо горят... Как правило, люди же, которые относятся к слову как к черной магии и сами при этом, естественно, мыслят магически (а по-иному они не умеют), прежде всего стремятся уничтожить амулет, реликвию, крест, потому что видят в нем материальную форму той силы, которой они опасаются. А в Европе все-таки есть эта огромная масса материальной культуры, которая давит. Даже на тех людей, которые потенциально могли бы стать ее разрушителями.

А. М. То есть хочешь ты или нет, но ты воспринимаешь там — через энергетическое поле, что ли, через состав воздуха — этот культурный багаж, эту атмосферу, которая существует уже тысячи лет?

И. К. Да, примерно так. Если бы когда-нибудь итальянцы попробовали — впрочем, я не верю, что когда-то это случится,— взорвать, например, флорентийский Дуомо, то осколки бы, как говорится, засыпали всю страну и в результате этого взрыва они бы сами моментально погибли. У нас же вокруг большая степь. И если взорвать храм Христа Спасителя, то все просто отскакивают в стороны и скрываются в снежной пустыне. И вроде бы как живы.

А. М. А все-таки давай перейдем к тому интересному тезису, который ты предложил,— к тезису о сходстве культур...

И. К. Ну, для меня это достаточно традиционная мысль. И мысль, в общем-то, пословичная, хотя мало кто задумывался над истинностью подобной максимы. В современном мире, в современной цивилизации действуют две зеркальные противоположности, две противоборствующие силы, которые замыкаются на себе как инь и ян. Это Россия и Америка, которые ведут атаку против, скажем так, гуманизма, который в Европе существует в музейном, законсервированном виде. И они ведут на него атаку с двух сторон. Относиться к этому можно по-разному. Одни пытаются представить это как какую-то варварскую разрушительную силу, допустим, ту же Америку, которая в силу своей космополитичности и оторванности корней обрушивается на культуру в старом понимании этого слова волной новой цивилизации. Это вроде того, как если бы прилетели марсиане и начали входить в контакты с людской цивилизацией. То есть они были бы как американцы, или, соответственно, американцы — как человекообразные марсиане. Но это неправда, и мне кажется, что обе атакующие силы, пусть и каждая по-своему, обрушиваются на этот гуманизм

в старом, возрожденческом понимании, не как чуждые элементы, а как естественные и последовательные отпрыски. И смерть культуры в наше время — это смерть гуманизма, наступившая не в результате внешних факторов, а в результате исконно имманентных ему противоречий. При желании возвеличить человека без уточнения, какого же именно. При постоянной склонности видеть в человеке только рациональное, позитивное начало, а не полуживотное.

А. М. Попробуем подойти к проблеме более дифференцированно. Что ты понимаешь под наступлением России на европейскую культуру?

И. К. Наступление России на европейскую культуру сохранилось в том же, в чем разница между православием и католицизмом, то есть в той границе, которая пролегала между двумя церквями после Великой Схизмы. Если говорить об этике, то она в акценте на различные строки Христовой проповеди. Если для католицизма больший вес имели одни Евангелические строчки, то для православия, как правило, эти строки были не теми же самыми. В католицизме, как более рациональном учении, с самого начала сильнее акцент ставится на то, что всегда будут бедные и богатые. На то, что Богу — богово, а кесарю — кесарево. Православие — это больше идея богочеловечества, как единство Христа и мира, их сродства.

Но дело еще и в том, что гуманизм в принципе был попыткой облагородить мирскую структуру церкви как духовного государства, облагородить отдельного человека, признать его равенство, так сказать, божественному. Через обращение к каким-то традициям античности, к выведению из-под монополии монотеизма, из-под Бога Отца. Приравнивание же к Богу — это движение в том же направлении, но с другой стороны. Именно это и было содержанием гуманизма, ведь православие несло в себе гуманистические начала еще до появления того же итальянского Возрождения, пусть и в другом силовом поле. Нужно уметь достаточно хорошо смотреть через внешнюю поверхность красок, чтобы говорить об этих сходствах, ведь они могут оказаться более чем приблизительными...

А. М. Как только ты приехал, так сразу сказал мне, что у тебя резко изменилось отношение к религии...

И. К. Правильно. Само христианство исчерпало себя во многом в тех формах и проявлениях, в которых существует как в католицизме, так и в православии. Именно в силу того, что идеал гуманизма есть всего лишь идея, списанная с истории цивилизации, на протяжении последних ста пятидесяти лет показавшая свой архаичный характер.

А. М. Тут мне бы хотелось возразить тебе и сказать, что христианство не может исчерпать себя...

И. К. Я имею в виду его существующие формы.

А. М. Да, формы, говоря о христианстве — как о христианской церкви, как о церкви земной...

И. К. Церковная организация есть только проекция или отражение, в данном случае — обратное сознанию паствы.

А. М. Тогда мы сразу можем вспомнить ту христианскую революцию, которую пытались провести в начале нынешнего века наши с тобой соотечественники. У того же Бердяева очень много идей, которые еще не сыграли своей роли, но будут играть ее в самом конце двадцатого, в двадцать первом веке, если не позже.

И. К. Да, но мне кажется, что Бердяев не завершил свою духовную эволюцию. Для меня попытки придумать христианство с личной свободой — то же самое, что придумать коммунизм, в котором есть место частной собственности. Потому что, хотя в христианстве много разных, порой диаметрально противоположных истоков, как и в любом другом духовном процессе, ведущее начало богочеловечности слишком сильно, ведь если его убрать, то Евангелие, как таковое, исчезнет вообще. Исчезнет вся та Благая весть, которая в нем содержится. И представить себе христианство без этого — это как представить себе кофе без кофеина, сигареты без никотина. В общем, вещи, которые можно сделать, но которые, как бы их ни хвалили врачи, никогда не будут пользоваться спросом. Ведущая идея еще изначально уравнивала раба с его господином и освобождала тем самым раба из-под господина. Это то, чем христианство победило и завоевало мир. И как это ни печально признать, мне кажется невозможным придумать христианство, которое не содержало бы элементы, дающие в эволюции коммунизм.

А. М. Получается, что, отвергая христианство для будущего, мы отвергаем не просто определенный путь развития. Мы отвергаем гораздо большее — ту

идею, которая делала человека именно человеком, а не животным.

И. К. Тогда надо признать, что это была единственная идея, которая была в состоянии поддерживать человека в человеческом состоянии. Что же держало на протяжении стольких тысячелетий античный или азиатский мир, предшествующий приходу мировых религий, то есть буддизма, ислама и того же христианства? Но я не могу сказать, что Рим I века был более жестоким, чем Рим XV или XVI веков с инквизицией. Мне кажется, что вообще сопоставлять, выдумывать какой-то жестокомер и измерять им жестокость нет смысла. Для каждого человека больнее тот гвоздь, который находится в его сапоге. Эти культуры жили, существовали и не заканчивались глобальным каннибализмом и самоуничтожением. Более того, как мы начинаем понимать сейчас историю того же Рима, историю римского рабовладельческого общества, это была во многом (по крайней мере на многих уровнях) одна из самых гуманных форм эксплуатации человека человеком. То есть человека эксплуатировали, делая его членом семьи, тем самым заставляя его работать на себя. У нас очень часто действует неправильное, неправомерное понимание различных исторических, социальных, экономических укладов, которые преломляются через призму нашего современного видения.

Наверное, для современного человека было бы большим унижением, если бы он оказался рабом какого-нибудь римского патриция. Но нужно все судить мерками человека своего времени. Я не хочу сейчас защищать те общества, которые в моей защите просто не нуждаются, потому что просуществовали тысячелетия. Я хочу просто сказать, что мы мыслим слишком узко. И эта узость иногда мешает нам понять кошмарно глобальный размах того кризиса, при котором мы присутствуем. Если брать какую-то историческую точку отсчета, то мне кажется, что первый момент, когда почувствовалось, чем пахнет гуманизм,— это Великая французская революция, 200-летие которой совсем недавно с такой помпой отмечали французы. У них до сих пор есть полное право ее благодарить, ведь они сделали ее первыми, а отделались достаточно дешево, потому что последующие — как бывает в тех же детективах и боевиках,— как правило, бывают гораздо глупее и кровавее.

А. М. Получается, что гуманизм умер. И что же делать, как относиться к этому?

И. К. Я скажу, что для меня весть о смерти гуманизма (или Христа) радостна. И прежде всего потому, что это — предвестник большого начала. Даже не предвестник, а само начало.

А. М. Видишь ли, мне, как верующему человеку, сложно понять то, что может быть начало без Христа. За отправную точку возьмем то, что когда Сын Человеческий пришел в мир, то он принес миру нравственное обновление. Прошло две тысячи лет. Сейчас требуется новое нравственное обновление. Вот видишь, как интересно получилось: заговорив о кризисе в культуре, мы пришли к человеку, к вопросу о религии. Я хочу сказать о таком своем наблюдении. Мне кажется, что последние 72 года нашей жизни окончательно доказали, что Бог есть, потому что они показали, к чему может прийти страна, лишенная Бога...

И. К. Тут много сомнений. Во-первых, были ли мы лишены Бога эти 72 года? По-моему, те, кто верил, не были. Может, правящая группа людей была лишена Бога? Но такие группы существовали и до прихода к власти большевиков. Так что не все так просто и не все хотелось бы сводить к таким формулировкам, которые раз и навсегда все обозначают и приговаривают. Скажем так: сейчас действительно наступил момент нового нравственного обновления, мне кажется, момент становления нового человеческого общества. Это момент расслоения. Ведь когда стадо расслаивается, то в нем начинает функционировать ген разделения, это способствует возникновению разума. Разум же ищет свое продолжение в орудии. А орудие может быть и одушевленным, по крайней мере, нет никакой предначертанности или врожденного табу, которые бы запрещали быть орудию, как продолжению разума, одушевленным, и даже многочисленным в виде народов или войска. Разум ищет орудия, потому что посредством орудия он вмешивается в естественный закон и направляет его в другую сторону. Разум не мог существовать без расслоения общества, потому что обращение к неодушевленному орудию на данном этапе должно было привести в дальнейшем к одушевленным орудиям. Таким образом, человеческое

общество обязано своим возникновением неравенству, функциям, которые длительное время осознавались как неизбежное, нечто врожденное и данное как собственно история, то есть история человечества, не просто как накопленный военно-политический опыт, а как некий космический процесс, имеющий религиозный характер и свою цель, то есть история — как возникновение теологии цивилизации. На этом же этапе родились мировые религии, в том числе христианство. Благодаря этому возникновению этического элемента человечество и стало человечеством. Но это был, с другой стороны, еще и неосознанный протест, содержащийся в душе человека против отчуждения от окружающего мира через превращение самого себя в чье-то орудие, то есть протест против иерархии общества. Это был шаг вперед, так как ситуация становилась осознанной. А ведь мы договорились, что мышление есть свобода. С другой стороны, это был шаг назад, пусть даже в деле утверждения идеала, то есть в своей познавательной части это было позитивно. В части же футурологической — с моей точки зрения — это было не то чтобы негативно, так нельзя говорить об истории, но это навлекло беды. Потому что Царство Небесное, Царство Божие — как оно представляется в христианстве — существует в любом национальном парке-заповеднике, среди любого стада оленей. И получилась такая двойственность: первая сторона — это шаг вперед, к Богу, в какое-то невообразимое Царство Небесное, вторая же сторона — шаг назад, к стаду, как к общественному идеалу. И можно говорить что угодно, но о всех тех тонких дефинициях и диалектике людей, которые пытались воссоздать справедливую систему, спустившись на уровень народной религии,— все это помещается в религию стада...

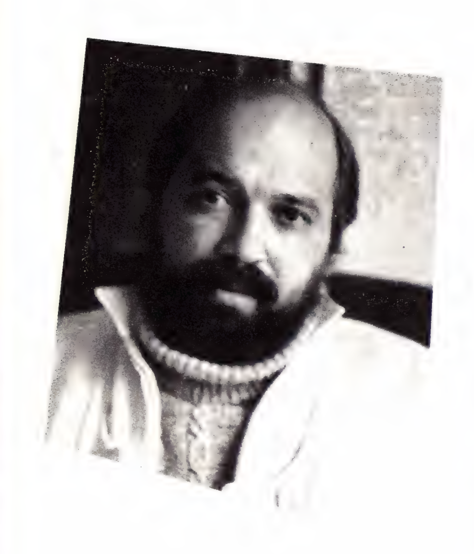
А. М. Хотя тот же Бердяев временами и пытался рассматривать судьбу человечества — как судьбу каждой отдельной личности.

И. К. Личность — это разум. Разум — это орудие. А орудию не запрещены никакие материальные формы. И неизбежно мы приходим к тому, что человек, который пишет о Боге, должен есть хлеб, а хлеб ему кто-то выращивает. И от этого никуда не денешься. И не каждый человек, сеющий хлеб, нуждается в книгах.

А. М. Тут мы подходим к довольно любопытной теории, которая, возможно, многих покоробит и пойдет вразрез с российской культурой мышления. Не тебе объяснять, что русское мышление прежде всего мессианское. Мессианско-утопическое, мессианско-эсхатологическое. И основное содержание мессианско-утопического мышления — это то, что мы пожинаем до сих пор — так называемое общинное мышление, то есть когда люди могут жить или только хорошо, или только плохо, а третьего не дано. Из твоих же слов выходит, что золотая середина человечества — это справедливое неравенство. Так?

И. К. Да. Я еще хотел бы сказать, что общинность в рамках православного народного сознания есть один из ярких исторических пережитков одновременно как доцивилизованного состояния славянского общества, так и включенных в него элементов христианской этики. Они сливались в едином сознании общины, и она приняла эту веру лучше всего и быстрее всего, то есть первыми стали варвары, а не греки. И варвары стали первыми распространителями, первыми носителями, первыми прозелитами этой новой религии. Ведь еще ощущалась близость к тому состоянию золотого века, на которое уповало их сознание. Впрочем, римляне тоже считали, что в сатурнову эпоху существовал золотой век, но, благодаря признанию не-

оцикличности, линейности мира, мир для них был вечным и линейным, как боги. И сатурнов век был тем, что случилось лишь однажды и больше не может повториться, то есть это было детство человечества, через которое оно прошло. И как взрослый человек во второй раз не становится ребенком, так же человечество не возвращается в сатурнов век, оно идет вперед, к своей старости и, в общем-то, к смерти, хотя столь далеко еще никто не заглядывал. И получилось так, что христианская религия всего лишь взяла и продолжила линию.

Главная идея сводится к личности, для которой спасение есть искупление грехов, где все заключено в том Господнем лоне, откуда изначально вышел, пошел своей дорогой греха и вернулся человек.

В таком случае, последним шагом, который не сделало христианство, будучи все-таки продуктом рациональной средиземноморской цивилизации, было то, что сделали индусы, породив буддизм и замкнув этот круг, сделав человека бредом Божественного. А то, что я говорил о православных, счастливо воплотилось в варварах. Но в Европе, где ситуация была менее варварской, то есть куда уже сильно проникли латинская и греческая цивилизация, уже существовали большие массивы народов, так или иначе испытавших на себе влияние этих культур, этого отношения к жизни. Так и возник компромисс между христианскими и античными идеалами, что оформилось в католицизме...

Я веду мысль к тому, что если первоначально то же монашество зарождалось как течение диссидентское по отношению к складывающемуся тогда епископскому церковному аппарату, то уже на самом первом этапе формирования западной церкви оно легко влилось в римский госаппарат. Что те люди, которые искали в этом спасение от римской государственности, то есть от империи, моментально взбунтовались в первые же века существования христианской религии в тех формах, которые она начала принимать. Их иудейское восточное начало не выдержало: рабам было недостаточно вместо одного храма получить другой, но с теми же персонажами. А ведь именно такая перестройка христианства состоялась в римском обществе. Начались монашеские течения, ариане, крайние африканские ереси.

Почему все это? Потому что слишком быстро появился компромисс. И компромисс не понравился, было два противоборствующих начала: римское и варварское. В случае же славянского общества компромисс наступил моментально потому, что сблизились две очень близкие структуры. В данном случае этические, которые приняли друг друга достаточно легко.

А. М. А тебе не кажется, что община, в том плане, в каком о ней говорят неославянофилы,— это именно то, что не дает возможности русскому человеку реально посмотреть вокруг?

И. К. Так же, как если мы признаем, что декартова логика — то, что дает западному человеку точно также посмотреть вокруг. То есть мы здесь на равных признаем крайность этих обеих точек зрения, этих двух мнений и их закрытость по отношению к зарождающемуся новому процессу.

А. М. Мы сейчас можем очень легко перейти на проблемы менее отвлеченные для читателя нашего журнала, чем то, о чем говорили. Это экономика, политика, идеология и прочее. Возьмем даже пресловутую перестройку экономики и те же кооперативы. Что же больше смущает людей? Что кто-то начинает жить лучше.

И. К. Причем явно непропорционально приложенным, в большинстве случаев, усилиям. То есть получается, что

община способна признать, что отдельный человек может жить лучше, но для этого он должен — как ни парадоксально — или шею себе сломать, то есть работать как лошадь (тогда это простительно), или он должен украсть. Но украсть втихую, ночью. И община опять его простит, если, конечно, не поймает за руку. Вот такие парадоксы общинного сознания, которое позволяет выйти из этого равенства либо хитростью и ловкостью, либо бешеной усталостью, но ни в коем случае не нормальной работой. Всегда каким-то экспериментальным процессом.

А. М. У меня, да и не только у меня, вообще ощущение, что Россия — страна крайностей...

И. К. Мне кажется, что это характерно не только для русского государства и человека, а вообще для всех обществ с примитивным земледельческим характером миросозерцания. Причины этого скорее всего коренятся в магическом уровне сознания.

Дело в том, что в подобном обществе человек, совершивший деяния, относящиеся к разряду табуированных, выходит за пределы юридической компетенции данной общины. Его изгоняли, но не убивали, потому что убить было опасно: переступив право, он становился носителем магической силы, то есть магическим объектом, который находился как бы вне общества. И убить его означало бы высвободить эту силу, причем с самыми непредсказуемыми последствиями. Если же человек в определенных случаях просто богател, приобретая состояние путем особого геройства или еще как-то, то он все равно изгонялся из общественного круга.

А. М. Община любит равных себе...

И. К. Да. Для общины характерно то, что когда кто-то круто переступает законы, она не столько карает, сколько отлучает. Кара характерна для тех, кто внутри ее рамок пытается вести более-менее нормальную жизнь, но отличающуюся от других. То есть, скажем так: община карает осторожных. Тех же, кто смел, кто неосторожен, пусть это будет геройство Марса или Меркурия (что не имеет значения), община не осудит, а просто исключит, потому что они — другие. В нашем случае такой человек — русский барин. Как это было, к примеру, в русской истории? Отношение к барам никогда не было завистью (не берем дворовых людей), оно всегда было снисходительным презрением, как к людям другой нации. Причем чем больше идеализировалось русское интеллигентное общество, тем больше это находило подтверждение на бытовом уровне крестьянского сознания: это люди другой нации, может быть, что и другой планеты.

А. М. Мы рисуем довольно печальную перспективу...

И. К. Так же, как сейчас для советского человека характерно то, что он попросту рычит на бедного кооператора. Именно бедного, потому что на свои жалкие 1000 рублей в месяц он может купить немногим больше, чем обычный рабочий, получающий 200. При этом люди не обижаются на того же Рокфеллера, живущего где-то в Америке. Потому что тот, известное дело,— американец. А этот — свой. И что это он тут мне бизнес разводит?! А ну-ка его! И точно также общество не злится, а с какой-то плохо скрываемой завистью относится к деяниям наших подпольных мафиози, потому что они тоже другие, тоже уже вне законов общины.

А. М. Довольно грустная картина для будущего русского народа, если можно, конечно, говорить о таковом. Я согласен с Георгием Федотовым, который сказал, что русского народа в 30-х годах уже не было, остался советский народ, и встает

вопрос: а что будет? Оставим в стороне даже то, к чему привели эти 70 лет. Россия всегда была недовольна тем, как она живет, и тем, как она хотела бы жить всегда, а хотела всегда не просто поиному, а лучше. Это опять-таки, на мой взгляд, свойство общинного сознания — жить лучше в российском понимании. Хотя Россия никогда не жила лучше. В России были те или иные времена, было чуть лучше или чуть хуже, было чуть больше крови, чуть меньше. А что впереди? Получилось самое смешное: народ стал смотреть, как люди живут на Западе. И народ захотел жить так же...

И. К. И не хочет это делать через триста лет, которые необходимы для того, чтобы достичь этого.

А. М. Более того, он не хочет делать те необходимые эффективные усилия, как это было на Западе. То есть — наверное, по их мнению,— должен прийти Спаситель и всем дать то, что они хотят.

И. К. Нужно признать элементарную мысль, что в настоящее время внутри нашего общества нет реальных сил, которые бы вывели его из фатального клинча, в котором оно находится. Это «двойной нельсон», из которого никак не высвободиться. Это «двойной нельсон» своими же руками на собственной шее: такой вариант нанайской борьбы со сламыванием шейных позвонков, соответственно, самим себе. И разбить его может только сила чуждая. Чуждая — не имеется в виду иностранная. Чуждая — это та, которая осознанно поставит себя вне этого общества и вне его традиций.

Осознанно потому, что бессознательно это делать невозможно, для этого нужно быть воспитанным в чуждой среде, в иной культуре. Осознанно потому, что для этого надо надеть на себя какие-то философские узы, шоры, уздечки, которые заставят поступать как надо, даже если сердце будет говорить по-другому. Поступать как надо — то есть исходя из умозрительных теоретических предпосылок. Только такая сила, если она будет чуждой и даже, может, враждебной, сможет совершить успешное разрушение этой общины, причем разрушить не во имя европеизации российского общества, то есть превращая его в какую-то вторую Европу, что вряд ли возможно и вряд ли интересно, а разрушить ее потому, что, как всякое общество, формы свои в будущем общество найдет само. И как будет выглядеть русский постфеодализм, сказать сложно, если не невозможно. Единственно, что нужно,— это толчок.

Под этими словами я подразумеваю мою старую любимую идею, которая на первый взгляд кажется чисто экономической, но я понимаю ее как проблему чуть ли не религиозного значения. Это проблема денационализации. То есть возможность обзаводиться реальными производственными средствами на условиях невиданной экономической свободы всем, кто в силах купить их и позволить себе это. То есть какое-то воспроизведение этапа первоначального накопления капитализма в совершенно новых исторических условиях. Очевидно, что и с совершенно другими историческими последствиями. Хотя я вполне даю себе отчет, что выполнение этой программы повлечет за собой не менее усилий, в штыки принимаемых обществом, как, к примеру, попытки вернуться сейчас в рамки коммунистической империи, что уже вообще нонсенс! Но ведь есть реальная монолитная сила, которая угрожает многим, и в первую очередь — сама себе. Сила, за которой стоит многовековая традиция, привычность этических реакций, заложенных в ней. Для того, чтобы оживить эту силу, нужно

ввести в нее противоречие. Нужно ее поссорить внутри себя. Заразить ее разными интересами. Разобщить общину. При этом надо помнить, что русский человек по своей природе достаточно предприимчив и жаден. Ему всегда мешало воплощение общины на политическом уровне, именно государство — как протектор отражения общины, такой святой ангел-хранитель, который осуществлял контроль над общиной в ее же интересах. То есть это, прежде всего, отход от популизма в правительстве, которое будет иметь непопулярную программу и держаться в крайнем случае на штыках, но это будет правительство, которое сможет сделать что-то реальное для спасения ситуации.

А. М. Ты заработал сейчас себе очень много противников, во-первых, признав, что вновь может быть правительство, держащееся на штыках. А во-вторых, забыв о человеке, о его личной свободе, чего, кстати говоря, вообще никогда не было на Руси.

И. К. В данный момент свободу человека на Руси ограничивает не государство, а общинное мышление. Государство, как говорится, находится на необходимом политическом уровне. И возникает вопрос, что легче разрушить, чтобы обеспечить свободу? Само общинное мышление или же государство? Процесс разрушения мыслительных штампов не есть процесс быстроосуществимый. Мышление разрушается или меняется в ходе исторического процесса. Политически же мыслимый процесс — это отказ от общинного господства. Потом личная свобода...

Мы все еще остаемся в рамках гуманизма. Каждый человек имеет право на личную свободу. Это постулаты гуманизма, его максимы, его аксиомы. Предчувствую следующий вопрос, который оказывается в наше время еще более важным: а одинакова ли личная свобода для всех? Вопрос, на который гуманизм не только не дает ответа, но даже и не задается им. Он боится его, он бежит от него, потому что в этом вопросе заложена его смерть, потому что тогда придется признать, что личная свобода бывает разной и на разном уровне общественного положения она выражается поразному, и что некоторая свобода такова, что ее не берут даже тогда, когда дают, потому что не готовы взять и не хотят взять. Более того, такая свобода может восприниматься в рамках другого мышления как порабощение, например, в рамках общинного сознания свобода всем зарабатывать, как хочешь, есть не свобода, а порабощение. Таким образом, право человека на предпринимательство в рамках общины оказывается закабалением. И можно найти миллионы подобных примеров. И получается, что цель гуманизма состоит в том, чтобы к этим изменившимся условиям в такой сложной, как российская, ситуации попытаться применять лозунги времен даже не Робеспьера или Очакова и покоренья Крыма, а эпохи отрядов Спартака — призывы грабить золото у господ и убегать назад, домой, во мраке с награбленным.

Честно говоря, сейчас это неуместно, слишком много веков прошло и слишком много человечество стало знать о себе, чтобы все представлять себе так просто. Я не хочу поставить под сомнение существование демократических свобод или их обусловленность, скажем так. Но когда их предлагают как средство решения всех проблем в России в виде конституционного процесса, то люди забывают, что эти свободы были завоеваны 200—300 лет назад в совершенно другую эпоху и другим народом. А сейчас этот конституционный процесс пытаются вставить как кирпич в уже построенное здание. И тут еще раз приходится констатировать, что гуманизм мертв, хотя когда-то был жив. И то, что он сделал положительного для цивилизации, что приходилось хорошего на период его существования, забыть нельзя. А сейчас он мертв не только там, где когда-то родился и жил, он мертв во всем мире, не исключая России. И пытаться сейчас в России осуществить процессы времен создания американской конституции и при этом считать их универсальными и пригодными во все века и для всех народов — венец глупости человеческой!

Фото И. Горячева и В. Исхакова

Письма к римским друзьям

И. Кормильцев

* * *

Камилл, Сатурнов век прошел
вчера он кончился —
откуда знаю?
сказали варвары —
пришли попить воды
худые, жалкие —
наверное, долго бились
и все в крови —
своей или чужой
не разобрал я —
цвет-то одинаков

Что сделал я? —
да вынес им воды
лакали, брызгались,
размазали подтеки
по рыжим бородам, потом ушли
главарь смотрел
через плечо на дом
запоминал дорогу
как вернуться ночью

Что буду делать? —
допишу тебе письмо
пойду взгляну на солнце
как заходит
а Юнии скажу дать детям опий
пусть крепко спят
готовясь в долгий путь

* * *

а где-то там вдали Сарматия,
Марцелл
страна, где мертвых
зарывают в землю
смешав с навозом,
сеют как ячмень
и ждут, когда взойдут
вот, в августе священном
шевелятся поля
ростками бледных рук
окрепнув с темнотой
покойники идут
на праздник деревенский,
там танцуют,
кто с мужем, кто с женой
и счастливы сарматы
на мертвецах
основан их обычай
а на заре...
что, Цинния, дрожишь?
ты говоришь,
скребутся чьи-то пальцы
о доски? где? в подполье?
все возможно...
не так уж далека Сарматия,
Марцелл!

* * *

вчера смотрел
как ловят фимодлид
чудесных рыб,
расцвеченных Иридой
плывущие кинжалы —
вот их облик
в стремительных потоках...
потный раб
заходит босиком на середину
несущейся воды и там стоит
пока к его ступням
резвящаяся рыба не привыкнет
затем летит
к лесе привязанная муха
рывок —
и ужас бессловесного
создания
которое успело осознать
что над его зеркальным небом
— другой и тоже населенный мир

Камилл,
когда посланье дочитаешь
взгляни вокруг
и напиши, что видел
не видел ли ты, часом, ног,
Камилл?

1989

Религия и культура

Почему мы начинаем первый номер именно с рождественской темы? Не надо искать связи с рождением нового журнала, мы не столь самонадеянны. Не надо искать связи и с игрой на «модной», еще недавно запрещенной тематике — среди людей, делающих журнал, есть как верующие, так и неверующие, и ни та, ни другая сторона не пытается переубедить друг друга. Дело в ином.

Тысяча девятьсот девяносто лет назад пришел Сын Человеческий и принес миру нравственное обновление. Когда, как не сейчас, такое обновление столь необходимо нашей стране? Ведь и политика, и экономика, и идеология вторичны, а первичным всегда был сам человек, его неповторимая, уникальная личность. И чтобы личность эта смогла выжить в наших экстремальных условиях, необходимо не просто вспомнить, а заново осознать евангелическую истину: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки». (Матф. 7, 12.)

Сын Человеческий принес нам любовь, но мы ее потеряли. Безвозвратно ли? Это покажет время. Но ясно одно: на ненависти и злобе мир этот стоять не может, а потому надо стремиться возродить любовь, человека, то, что стоит за словом «родина». Не надо быть столь эгоистичным, чтобы считать, будто квинтэссенция всей мировой истории сконцентрирована в последних семидесяти с небольшим годах новой эры. Как не надо считать, что именно ради этих семидесяти с небольшим почти две тысячи лет назад. Он взошел на крест.

Всеволод Колосницын

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Согласно церковной традиции, 25 декабря (7 января нового стиля) весь христианский мир отметил 1989 лет со дня рождения Иисуса Христа. «Согласно церковной традиции» потому, что еще недавно большая часть атеистов нашей страны отрицала историчность Иисуса, считая его образом мифическим, сконструированным религиозным сознанием из ветхозаветных преданий и восточных мифов об умирающих и воскресающих богах. Именно так: христианство есть, а Христа не было. Наиболее последовательно проводит эту точку зрения в своих работах известный историк религии И. А. Крывелев (см. например, его книгу «Христос: миф или действительность?»). Один из доводов: ни в одном источнике, кроме Евангелий, о Христе ни слова не сказано. Следовательно, ни о каком Рождестве Христовом речи быть не может. Как известно, подобных взглядов придерживался и герой книги М. Булгакова «Мастер и Маргарита» Берлиоз, за что и был наказан Воландом. К счастью, с Крывелевым ничего подобного не случилось.

Однако сейчас целый ряд исследователей-марксистов признают историчность Иисуса Христа, находя, что свидетельства о нем есть не только в Евангелиях, но и в труде Иосифа Флавия «Иудейские древности». Раньше текст об Иисусе в этом труде считался позднейшей вставкой (интерполяцией) средневекового благочестивого монаха, потому что истинный правоверный иудей, каким был Иосиф Флавий, не мог признать Христа мессией, а в этом известном тексте это было именно так. Но вот в 1912 г. профессор Дерптского университета А. Васильев обнаружил и перевел на русский язык неиспорченный текст Флавия, сохранившийся в арабском источнике: «В то время жил мудрый

Богоявление. Икона XV в.

человек, которого звали Иисусом. Образ жизни его был достойный, и он славился своей добродетелью. И многие люди из иудеев и других народов стали его учениками. Пилат приговорил его к распятию и к смерти. Но те, кто стали его учениками, не отреклись от его учения. Они сообщили, что он явился им через три дня после распятия и что он был живым. Полагают, ...что он был мессией, относительно которого пророки предсказали чудеса». Как видим, здесь Иосиф Флавий просто передает мнение учеников о своем учителе как о мессии, вовсе не разделяя этого мнения. Подлинность этого текста уже не может вызвать сомнения. Так что абсолютного молчания римских историков — современников Христа не было. А ждать, что события, происходившие в глухом углу Римской империи, в Палестине, должны были вызвать целый поток информации, привлечь внимание довольно спесивых римлян, было бы наивно, тем более, что последствия этих событий предсказать тогда было невозможно.

Я же полагаю, что Христа просто не могло не быть. Еще Ф. Энгельс заметил, что мировые религии создаются сознательными усилиями идеологов. И хотя для этого нужны усилия нескольких поколений идеологов, но кто-то должен быть первым. Основоположником буддизма

А. Корреджо Святая ночь. Около 1530 г.

Рождество Христово. Икона XV в.

был Сиддхартха Гаутама, ислама — Мохаммед (Магомет, Мухамед). Почему же должно быть исключением христианство? Ведь основателем любой идеологической системы всегда является яркая, неповторимая, пользующаяся признанием и авторитетом личность, обладающая эмоциональной заразительностью и определенным нравственным ореолом. Таковы Сократ, Платон, Конфуций, Гегель, Маркс и Энгельс. Таковы и все основатели мировых религий. И когда говорят, что в Евангелиях слишком мало достоверного материала, это верно лишь отчасти. Как раз о личности Христа мы узнаем достаточно много, чтобы признать его обаяние, несомненный нравственный авторитет, увидеть в нем талантливого проповедника учения, в истинности которого он был настолько убежден, что готов был принять смерть во имя его утверждения.

Верно, конечно, что многие идеи, проповедуемые Христом, высказывались и до него. Но нигде и ни у кого не прозвучали так сильно, в такой концентрированности, как в Нагорной проповеди Иисуса, никогда прежде они не отливались в целостное учение, пронизанное любовью к человеку, жаждой справедливости и милосердия, верой в конечное тор-

ления царя Ирода Великого. О его рождении узнали волхвы с востока, которым об этом событии возвестила вспыхнувшая на небе новая звезда. Следуя за ней, они пришли в Иерусалим, чтобы поклониться чудесному младенцу. В дар ему они принесли золото, ладан и смирну. Золото символизирует царственность Христа, ладан — его божественность, смирна, которой умащали покойников,— его человечность. Узнав от волхвов о рождении царя Иудейского, Ирод приказал убить

Сретенье. Икона XV в.

жество добра. Добавьте сюда сильный, простой и образный язык, смелость сравнений, притчевость, и вы поймете, почему это учение уже без малого две тысячи лет привлекает умы и сердца людей.

И при всем при том о рождении Иисуса мы узнаем только из двух Евангелий, которые, как нарочно, противоречат друг другу.

В самом деле евангелист Матфей рассказывает, что Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни прав-

всех младенцев в Вифлееме в возрасте до двух лет. И сейчас церковь отмечает 29 декабря день 14000 младенцев, «от Ирода в Вифлееме избиенных», хотя признает, что число младенцев слишком преувеличено. Но «Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью, и пошел в Египет, и там был до смерти Ирода...» (Матф., 2, 13—15). Запомним, что Ирод умер в 750 году от основания Рима, то есть в 4 году до рождества Христова.

Евангелист Лука рассказывает о Рождестве Христа совсем иначе. «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правлении Квириния Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, Записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; Иродила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» (Лука, 2, 1—7). О рождении младенца пастухам в поле возвестил ангел: «И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: Ибо нынче родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь... И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лука, 2, 10—14).

Итак, Христос родился в дни переписи, проводимой Квиринием, а это 6 год новой эры, родители Иисуса постоянно жили в Назарете, в существовании которого в первом веке нашей эры историки сомневаются (хотя откуда взял его Лука, если этого города еще не было?); родился Христос в заброшенном хлеву, и первой его колыбелью были ясли. Приветствовали его не восточные волхвы, а простые пастухи, и возвестил о его рождении ангел, а не звезда. И заметим, что ни числа, ни года рождения ни Лука, ни Матфей не сообщают.

Так когда же родился Иисус: в 4 году до новой эры или в 26-м новой? Именно несовместимость этих рассказов о рождестве Христовом и заставляет многих исследователей сомневаться в самом факте рождения. В оправдание евангелистов скажу, что свидетельства о рождении тогда не выдавались, ЗАГСов в те времена не было, и вообще Евангелия являются записью устных сказаний об Иисусе Христе, как признает сама церковь. А от устных сказаний, основанных на несовершенной человеческой памяти, нельзя ожидать большой точности. Многие ли из нас могут назвать год рождения, скажем, Наполеона или Суворова (не говорю уже о дне) — личностей безусловно исторических? Да и стремление к точности не было характерно для той далекой эпохи, тем более что и общепринятая хронология отсутствовала.

Как же решает вопрос о дате рождества Христова современная церковь?

Дату 753 год от основания Рима установил в 632 году монах Дионисий Малый, разрабатывая таблицы пасхалий. Следующий год несколько столетий спустя и был признан первым годом нашей эры. Но эта дата совершенно не согласуется ни с тем, ни с другим Евангелием. Сейчас признается, что Христос родился за несколько месяцев до смерти Ирода, то есть в конце 749 года от основания Рима, или в 4 году до новой эры. Английский богослов прошлого века, автор известной книги «Жизнь Иисуса Христа» Ф. В. Фар-

С. Боттичелли Поклонение волхвов. 1475—1478 гг.

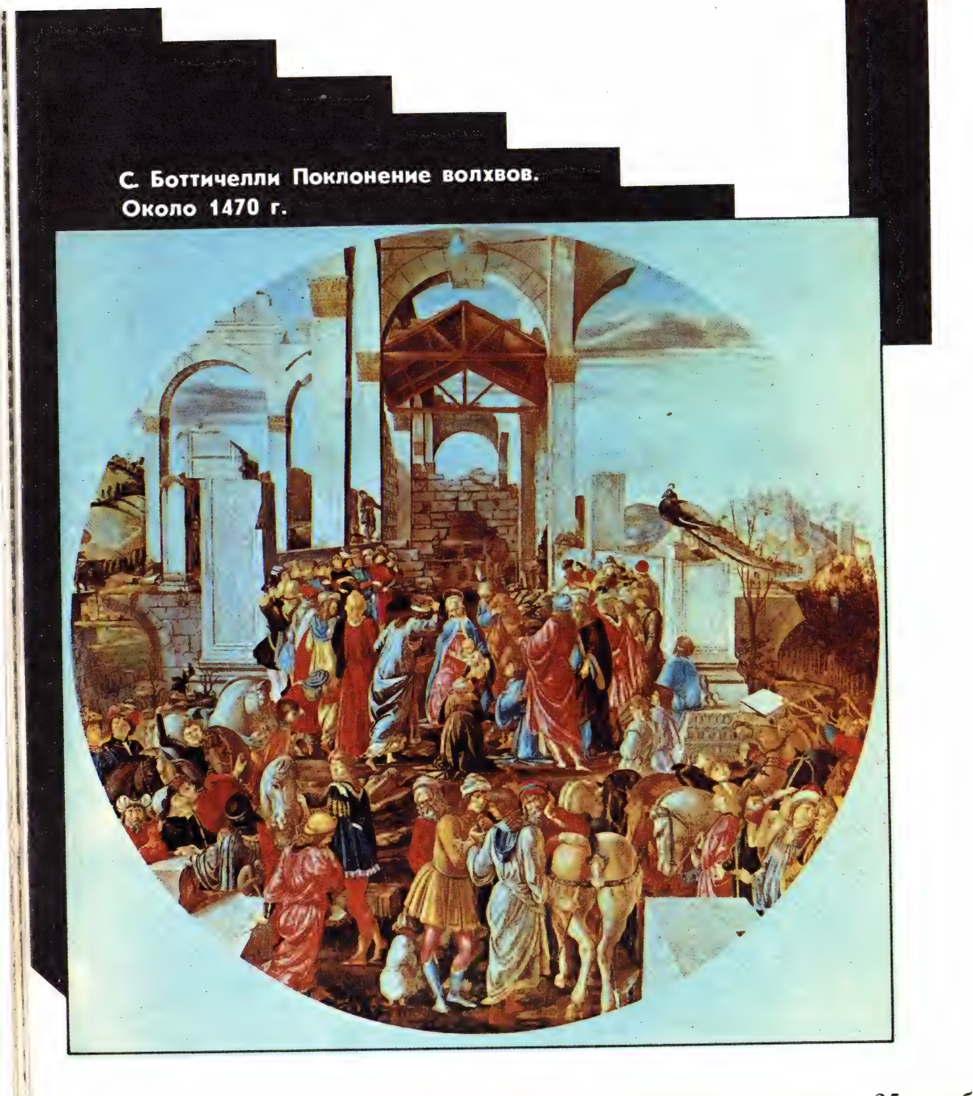
рар, писал: «Ирод умер между месяцем нисаном (мартом) 750 и нисаном 751 г. от осн. Рима и следовательно на четыре года раньше, чем определяет наше летосчисление» (СПб. 1899. С. 17). Такого же мнения придерживаются и комментаторы «Толковой Библии», уточняя, что Христос родился 25 декабря 749 года от основания Рима, или 4 года до новой эры (Толковая Библия, или Комментарий на все книги св. писания Ветхого и Нового Завета. Стокгольм, 1987. Кн. 3. Т. 8. С. 43).

Откуда же взялось число —25 декабря, которое, как уже сказано, в Евангелиях не названо?

Обычай отмечать Рождество Христово возник первоначально среди христиан Египта, где 6 января праздновали день рождения и богоявления Осириса-Эона. В этот день выносили статую Эона и семикратно обносили ее вокруг середины храма, а затем следовало обрядовое «хождение на воду» — поклонение священным водам Нила. В сознании христиан этот праздник и сливался с днем рождения-крещения-богоявления Христа. Потом этот тройной праздник стали отмечать христиане и других провинций Древнего Рима, наконец он стал общеримским.

Но в третьем-четвертом веках на территории Римской империи широкое распространение получил культ персидского бога Митры, день рождества которого отмечали 25 декабря — в первый день после зимнего солнцестояния. Дело в том, что Митра был солнечным богом, а именно 25 декабря, после самого короткого дня года, день опять начинает прибывать — всего на одну минутку, но древние астрономы уже замечали это малое приращение светлого времени суток. Логика мифологического мышления была простой: 22 декабря, в день зимнего солнцестояния, Солнце как бы умирает, чтобы воскреснуть вновь 25 числа. Христос в христианстве тоже отождествлялся с Солнцем — аналогия его с Митрой напрашивалась сама собой. Но две соперничавшие

С. Боттичелли Поклонение волхвов. Около 1470 г.

религии не могли уживаться слишком долго, одна из них должна была победить. Победило. христианство, как религия, более отвечающая духу времени, более космополитическая, обращенная ко всем народам и, главное, более гуманная, не отягощенная жестокими обрядами и верованиями прошлого. День рождения Митры стал днем рождения Иисуса Христоса.

Впервые этот праздник был отмечен 25 декабря 354 года — по указу сына знаменитого Константина Констанция. Так, в конце концов, и появилась эта дата —25 декабря 749 года от основания Рима. Триединый праздник Рождества-Крещения-Богоявления разделился: 6 января (19-го по старому стилю) стали отмечать только Крещение и Богоявление. Но по-прежнему, как в древнем Египте, в этот день святят воду, а во льду до революции, пока это еще не было запрещено советским законодательством, вырезали Иордань — прорубь в форме креста,— и наиболее стойкие верующие, тогдашние «моржи», погружались в ледяную воду.

А как разрешает церковь дру-

гие противоречия рождественских рассказов двух евангелистов? В общем, довольно просто: Евангелия считаются не противоречащими друг другу, а взаимодополняющими. Один ряд событий рассказан Матфеем, другой — Лукой. В ночь Рождества Христа и Марию приветствовали пастухи. На восьмой день после рождения Иисуса был совершен — в соответствии с требованиями иудаизма — обряд обрезания, на сороковой день, после очищения Марии (женщина в иудаизме считалась нечистой после родов 40 дней), Иисус был перенесен в Иерусалимский храм, где муж «праведный и благочестивый» Симеон, которому было предсказано, что он не умрет, не увидев Христа Господня, «благословил Бога и сказал: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему с миром; Ибо видели очи мои спасение Твое, Которое Ты уготовал перед лицем всех народов, Свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего Израиля» (Лука, 2, 28—32). После этого произошло поклонение волхвов, а затем уже — бегство в Египет. Так трактует евангельские рассказы и Ф. В. Фаррар, и «Толковая Библия». При этом неясно, вернулось ли святое семейство из Иерусалима в Вифлеем или бежало в Египет прямо из столицы. Полностью согласовать два Евангелия трудно без натяжек, но придавать им принципиального значения не стоит, особенно если вспомнить, сколько еще худших неувязок обнаруживается в исторических трудах нашего времени — и не только по отношению к далекому прошлому, но и в особенности в сообщениях о делах ближайших нам десятилетий. А ведь Евангелия — напомню еще раз — не исторические труды, а записи устных рассказов начала нашей эры. И записывали их отнюдь не профессиональные литераторы, а религиозные проповедники, для которых самым важным было передать сущность учения, запечатлеть образ учителя, а не воспроизводить детали его жизни.

Рождество — праздник религиозный, христианский, но значение его выходит далеко за рамки чисто религиозные. «Слава в вышних Богу»,— да, это важно для верующих, которые ощущают как бы непосредственное присутствие бога, его святость, видят в Рождестве залог будущего спасения и человека, и всего рода человеческого. Но дальше сказано: «На земле мир, в человеках благоволение» — и это близко уму и сердцу любого человека — и верующего, и неверующего. Рождество и стало в течение столетий праздником мира и добра, радости и милосердия. Оно слилось с народными праздниками святок (предков), зимы, Нового года, от которого мы всегда ждем почему-то каких-то новых радостей и свершений, хотя жизнь не раз опровергла наши ожидания. И все-таки в дни этих праздников оптимизм берет верх над пессимизмом.

Вот почему «трудно найти в мировом искусстве сюжет более распространенный, чем Рождество Христово. По крайней мере 1700 лет — немногим меньше, чем существует христианская религия,— изображали художники рождение Иисуса Христа по учению этой религии»,— пишет искусствовед Н. Барская в журнале «Юный художник» (1989, № 2). И это действительно так. Отсылаю читателя к этой небольшой, но очень содержательной статье.

А для нас с вами пусть день Рождества Христова будет днем единения всех людей доброй воли, всех, кто жаждет добра и способен к милосердию, всех, кто верит в будущее человечества.

Андрей Боголюбов (протоиерей Александр Мень)

ТАЙНА Сына Человеческого

Из книги
«Сын Человеческий»

Глава II

Когда Иисус проходил вблизи Кесарии Филипповой, произошел Его знаменательный разговор с учениками.

— За кого люди почитают Меня?— спросил Иисус.

— Одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или одного из пророков,— ответили они.

— А за кого вы почитаете Меня?

— Ты Мессия, Сын Бога Живого,— ответил за всех Симон-Петр.

— Блажен ты, Симон-бар-Иона,— сказал Иисус,— потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты Кифа (греческ. *πετρος* — камень), и на этом камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного, и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах[1].

В таких словах Спаситель возвестил ученикам о создании Его Вселенской Общины — *Церкви.* Ее основание Он тесно связывал с Петром — первым среди апостолов, который, получая «ключи Царства Небесного», становится как бы вождем Церкви в ее историческом бытии, в ее борьбе с «вратами ада». Не личные свойства Петра, «плоть и кровь», делают его таковым, а откровение Отца Небесного. Петр первый исповедует Иисуса Христа, совершая величайший всемирно-исторический подвиг.

Действительно, проникнуть в тайну Иисуса, руководствуясь обычными человеческими мерилами, тогда

(как, впрочем, и теперь) едва ли было возможно. Когда сейчас мы мысленно обращаемся ко времени жизни Христа, нам кажется непонятным и странным, что находились люди, которые относились к Нему с презрительным недоверием. Многие, может быть, даже думают, что если бы они жили в те дни, то уж наверное не отвергли бы слов Спасителя, не стали бы вместе с Его родными считать Его безумцем, вместе с фарисеями — еретиком, вместе с саддукеями — обманщиком. Так кажется нам по той причине, что мы знаем Христа уже прославленного, смотрим на Его дело в свете многовековой истории Его Церкви. Но если бы объективно оценили обстановку жизни Иисуса и представили себе, как Он выглядел «во время оно» среди сынов человеческих, то поняли бы, что со стороны апостолов признать в Иисусе Христа было настоящим подвигом.

Он явился из бедного, презираемого городка, проповедовал в Галилее, о которой говорили: «Оттуда не приходит пророк». Он был деревенским ремесленником. Его окружали невежественные люди низкого происхождения. Его видели в самом подозрительном обществе среди мытарей, блудниц, нищих и прокаженных. Он не имел поддержки влиятельных лиц, не имел вооруженных отрядов. Трудно было *узнать* в этом Человеке обетованного Мессию.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»,— говорил Иисус.

Не взирая на все трудности, миллионы людей узнали и узнают Его с того момента, когда Петр произнес свое исповедание.

С другой стороны, и по сей день на Его вопрос: «За кого почитают Меня люди?»— мы часто вынуждены бываем давать тот же ответ, который давали ученики две тысячи лет назад. И поныне те, кто не мог увидеть в Иисусе Назарянине нечто, превосходящее человеческий уровень, готовы признать Его пророком, но не более. По их мнению, только впоследствии христиане окружили личность Учителя божественным ореолом.

Но почему именно Его провозгласили Сыном Божиим? Почему мир преклонился перед распятым плотником? Кто был Он, внушивший такую непонятную веру людям?

Утверждают, что Он был величайшим моралистом, что именно в Его возвышенной морали заключается секрет победы христианства. Между тем это совершенно не соответствует действительности. Ведь возвышенная мораль не принадлежит исключительно Христу. И Будда, и Сократ, и Исаия, и Сенека учили той же морали. Слова Иисуса имеют почти буквальные аналогии во многих произведениях дохристианской религиозной литературы. Таким образом, становится непонятным, почему Евангелие выиграло борьбу с многочисленными соперниками, которые в первые три века новой эры предлагали свои ответы на вечные вопросы жизни.

С другой стороны, документы и история не знают вообще Иисуса-моралиста. То, что Он говорит о Себе и Своем учении, отнюдь не похоже на простую нравоучительную проповедь.

Совершенно также несостоятельным, с точки зрения исторических фактов, оказывается мнение, что Иисус был революционером или посвященным в тайны эзотерических доктрин.

Итак, что же такое христианство, если оно не этическое, не социальное и не эзотерическое учение?

«На это,— говорит известный историк А. Гарнак,— есть простой и в то же время исчерпывающий ответ:— Иисус Христос и Его Евангелие». Иными словами, если мы хотим знать сущность христианства, мы должны обратиться к самому Христу.

И Христос говорит: «Вот дело Божие: чтобы вы веровали в Того,

Кого Он послал». Он говорит о Себе, как о вечной духовной пище, вечном Хлебе человечества. Называя всех людей Сынами Божиими, Он в то же время утверждает, что Его Богосыновство есть единственное: «Я и Отец — одно». Кто хочет мознать истину о Боге, кто хочет Его любить всем сердцем, тот должен любить Сына Божия и верить в Него. Тайна Иисуса — это тайна Бога.

«Верующий в Сына Божия имеет жизнь вечную».

Вот подлинная сущность и основание христианства. В центре его стоит Личность Богочеловека, Иисуса Христа, через Которого Небо соединяется с землей, и недаром Евангелия написаны не в виде поучений, а в виде *жизнеописания* этой великой и неповторимой Личности.

Таким образом, попытки превратить христианство в нечто отличное от веры в *Личность* Иисуса должны быть отброшены, как не соответствующие Его собственному свидетельству.

Встает последний и самый важный вопрос: заключалась ли истина в свидетельстве Иисуса, действительно ли Бог через Иисуса открыл Себя людям, можем ли мы признать в Назаретском Пророке своего Спасителя?

На этот вопрос наука бессильна дать ответ. Она может убедить нас в исторической реальности Иисуса, в том, что Его учение было учением о Себе, как о Сыне Божием, но далее она умолкает.

Это тайна *веры,* тайна встречи души со своим Спасителем. «Плоть и кровь» здесь бессильны, и только Отец открывает ее. Эту веру нельзя внушить, нельзя заставить когонибудь поверить в Иисуса. Только тогда, когда внутреннее озарение, просветленное любовью, поднимает душу в ту сферу, где она соприкасается с мирами иными, когда Иисус Сам призывает ее, тогда только становится понятным все, и вместе с Петром мы исповедуем: «Ты Христос, Сын Бога Живаго!» Ты высшее откровение Непостижимого и Всемогущего, откровение, данное самым близким и доступным нам путем: через человеческую Личность.

Но почему Христос явился на земле как простой плотник из Галилеи? Почему так мало было очевидных знаков Его Божественной природы? Для чего была поставлена такая преграда между людьми и Богочеловеком, пришедшим спасти их?

Это было необходимо для сохранения человеческой *свободы* выбора.

Для того, чтобы пояснить эту мысль, мы должны еще раз обратиться к далекому прошлому[2].

Появление человека на земле было событием огромного космического значения. Он явился как многоплановое, сложное существо, совмещавшее в себе множество аспектов бытия и главным образом тех, которые принято называть «материей» и «духом». Создатель сотворил человека как микрокосм, как малое подобие всего творения видимого и невидимого... В этом отношении человек занимал и занимает совершенно особое место в ряду созданий.

Однако человек сам по себе еще не есть цель мироздания или венец дела Божия. Такое значение принадлежит ему лишь поскольку в нем или через него происходит действительное соединение Бога с творением. Это соединение, т. е. сообщение Богом всему другому полноты абсолютной жизни, составляет истинную цель миротворения[3]. Залогом возможности такого соединения был *образ* и *подобие* Божие в человеке: его способность к творчеству, разум, свободная воля, а также многоплановость, сложность его существа. Ибо, уходя корнями своей психофизической природы в животный мир, в материю, он обладал и духом, как частью мира

незримого.

В то же время, благодаря своей свободной воле, человек мог направить свое развитие по двум путям: либо по пути единства с волей Бога, по пути Богочеловеческому, либо по пути самоутверждения, отдаления от Неба.

Человек выбрал второй путь, тем самым лишив себя власти над материей, нарушив гармонию мира. Этот момент в духовной истории человечества мы называем грехопадением. Оно открыло путь в человеческом существе дьявольским силам, которые извращали его природу и увлекали его в бездны. Это не был «бунт зверя в человеке». Животное очень далеко от тех мрачных стихий, которые обуревают человеческую душу.

Проходили тысячелетия, и развитие мира продолжало идти по пути, определенному природой падшего человека. Однако чем глубже погружался человек во тьму, тем острее чувствовал невозможность жить без Света.

Тщетны были все попытки вернуть утраченное богообщение. Древние люди приносили искупительные жертвы, отдавали Божеству все самое дорогое: плоды земли, добычу охоты и даже детей, пытаясь умилостивить Его.

На более высоких ступенях развития человек не оставлял отчаянных попыток *своими силами* освободиться от гнета первородного греха. Вавилон искал бессмертия и не находил. Египет пытался остановить поток скоропреходящего, воздвигая памятники, претендующие на вечность; философы и пророки неустанно искали выхода из душной атмосферы зла, страдания и смерти; Будда проклинал иллюзорную жизнь и звал мир в молчание Нирваны; Конфуций хотел погасить вообще всякое стремление человека ввысь; греческие мыслители искали спасения в разуме, в науке. Но все напрасно.

Великие завоеватели — Навуходоносор, Кир, Александр, Цезарь — стремились к благородной цели — созданию Единого Человечества, но в результате оказалось только море крови и цепи рабства.

Христос явился «в конце времен», когда человечество, утомленное бесплодными поисками Истины, стояло на грани скептицизма и отчаяния. Древние религии не принесли спасения, ответа на вечные вопросы не было. Безнадежной оказалась попытка человечества своими силами достигнуть Бога. Мировая драма, начавшаяся на заре истории, подошла к кульминационному моменту.

Основной идеей израильской религии был Союз или *Завет* между людьми и Единым, Всемогущим *Справедливым* Богом. Учителя Израиля — пророки провозглашали истины Мировой Религии, сущность которой сводилась к тому, что человек служит Богу тогда, когда творит добро людям. Пророки видели несовершенство мира, бичевали пороки общества, призывали к социальной справедливости и верили, что мир должен обновиться. Они предсказывали и верили, что этот *Новый Завет* будет осуществлен посланным от Бога царем-освободителем из рода Давида — *Мессией.* Перед их провидческим взором представали вершины будущего: они воочию видели «Новый Иерусалим»— царство справедливости, добра и радости. Но некоторые пророки чувствовали, что это царство не будет завоевано без тяжких испытаний. Они видели страждущего Мессию, Который через свои муки несет избавление человечеству.

«Он взошел передним, как отпрыск, как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия... Он был презрен и умален перед людьми, муж скорбей, изведавший болезни... Он взял на себя наши немощи и понес наши болезни... Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание

мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились».

«Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу, и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст своих; как овца веден был на заклание и как агнец перед стригущим Его безгласен, так Он не отверзал уст Своих... Когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное...[4]»

Так говорили пророки.

В роковой час, когда религии Израиля угрожала смертельная опасность, когда победное шествие эллинизма достигло стен Иерусалима, когда на алтаре храма Божия был поставлен языческий идол, а преданных вере отцов беспощадно истребляли, пророки вновь подняли свой голос. Гонителями истины предсказывается неминуемая гибель, империи, построенные на насилии, объявляются звериными царствами, которые будут сокрушены Царством *Сына Человеческого,* Который принесет людям истину, мир и справедливость[5].

Между тем в языческом мире надежда на избавление не была столь сильна и не приобретала столь конкретных форм. В эпоху торжества Рима, когда религии стали смешиваться и гибнуть, когда воцарилось неслыханное падение нравов, когда сомнение все более и более охватывало умы, многим казалось, что надвигается страшная тень ночи человечества.

Но правы оказались не они, а те, кто верил и надеялся, ибо в 747 году от основания Рима над погруженной в мрак землей прозвучала ангельская песнь: «Слава в вышних Богу и мир на земле; в людях благоволение[6]». В мир явился *Богочеловек,* Который пришел «спасти людей от грехов их». Это был истинный Мессия, пришествие Которого предвидели пророки.

Но Он не покорял людей очевидностью Своего могущества. Он не применял силу, а оставлял неприкосновенной свободу человека. Он не хотел рабов, а хотел сынов, которые *бескорыстно* полюбят Его и пойдут за Ним, за Распятым плотником из глухой провинции. Если бы явление Христа было совершенно «во славе», если бы никто не смог отрицать Его Божественного достоинства, то здесь было бы принуждение, а Христос желает не принуждения, а свободы. «Вы познаете Истину, и Истина сделает вас свободными».

В своем лице Иисус совершил то, что было предначертано совершить человечеству. Он соединил Бога с Его творением. Он взял на Себя страшные плоды грехопадения, возвестил людям прощение, открыл им, что они — дети Божии, и что Бог — их любящий Отец.

Иисус явил людям величайший пример. Он показал им Себя, подлинного, истинного Сына Божия, в Котором человеческая природа гармонично сочеталась с Божественной. Он показал им возможность *осуществления* человеческой жизни в жизни Божественной.

В историческом Иисусе —«вся полнота Божества»— это непостижимая тайна. Однако очевидно, что в момент Своей земной жизни Бог не мог в Нем проявиться полностью, ибо Он вошел в границы, очерчивающие человеческую природу. Поэтому Иисус говорил: «Отец Мой более Меня[7]».

На этих словах обычно основывают то мнение, что Сам Иисус считал Себя простым человеком. К этому присоединяется и то, что Он постоянно называет Себя «Сыном Человеческим». Но мы уже видели, что в библейской терминологии это имя носит мессианский характер.

Итак, через Иисуса Назарянина Бог показал человеку, каков должен быть предел его совершенствования. Благодаря этому Христос становится идеалом человечества, его духовным вождем.

Идущие за Христом образуют вселенскую общину, единую Церковь. Истинная Церковь включает в себя верующих: 1) в Бога и возможность единения с Ним; 2) в Христа, как своего Спасителя; 3) живущих по евангельским заповедям. Эти три элемента в христианстве неразрывно связаны между собой. Тип ложного, поддельного христианства всегда есть результат опущения какого-либо из них. К этому типу относится и толстовец, верящий в учение Христа, но не верящий в Него Самого, и инквизитор — верящий в Бога и Христа, но не исполняющий евангельских заповедей, и лицемерный ханжа — делающий вид, что во все верит и все исполняет, но, по существу, ни во что не верящий и ничего не исполняющий.

Мы ошиблись бы, если бы подумали, что Петр и апостолы в то время совершенно верно и до конца поняли значение миссии Того, Кого они исповедовали как Мессию. Чтобы развеять иллюзии Своих наивных последователей, Спаситель стал говорить им, что вместо царского венца и славы Его ждут страдания и смерть. Когда Он говорил это, Петр отвел Его в сторону и стал уговаривать: «Будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобой». На это Иисус сказал ему: «Отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но о том, что человеческое». Сын своей эпохи, Петр, как и другие апостолы, плохо понимал, какое должно быть дело Мессии в мире.

Вскоре после этого Петр, Иаков и Иоанн удостоились увидеть на мгновение приоткрытой завесу тайны Иисуса, когда сверхчеловеческая природа проявилась в Нем, как бы для того, чтобы поддержать их веру[8].

Однажды ночью Иисус удалился на гору, взяв с Собой лишь Петра, Иоанна и Иакова. Расположившись на склоне, ученики заснули, а Спаситель, отойдя, погрузился в молитву. Когда они проснулись, то увидели необычайное явление. Лицо Иисуса изменилось, оно стало сиять, одежды заблестели, как снег на вершинах. Он совершенно преобразился. Около Него стояли две фигуры. Это были древние пророки, которые говорили с Ним о Его судьбе и назначении. Явление это приаело апостолов в замешательство и страх. Вместе с тем они испытывали сладостное чувство близости Божией.

«Равви,— сказал Петр, не зная, что говорил,— хорошо нам здесь быть. Сделаем три палатки. Тебе одну, одну Моисею и одну Илии».

Внезапно гору окутало светлое облако и они услышали слова: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте».

В следующий миг все внезапно исчезло, и они увидели прежнего Иисуса, стоящего на вершине горы. Он подошел к испуганным ученикам и, ободряя их, сказал: «Встаньте и не бойтесь». После этого Он запретил рассказывать о виденном «Доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых», но они не поняли Его слов и спрашивали друг друга: что значит воскреснуть из мертвых?..

[1] Мф. 16. 13 сл; Мк 8.27; Лк 9. 18.

[2] Этот вопрос подробнее рассмотрен в других книгах этой серии, готовящихся к печати, особенно в книге «Истоки религии».

[3] См. Вл. Соловьев. Собр. соч. Т. 4.— История теократии.

[4] Ис. 53. 2 сл.

[5] Дан 7.

[6] Лк 2. 14.

[7] Ин 14. 28. См. Афанасий Великий. Слово о воплощении Бога Слова, против ариан; Григорий Нисский. Слово о божестве Сына и Духа; ср. И. Златоуст, 7 слово против аномеев.

[8] Мф 17. 1; Мк 9. 1; Лк 9. 28.

Евангелие от Матфея

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

5 Увидев народ, Он взошел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его.

[2] И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

[3] Блаженны нищие духом, ибо их есть Цврство Небесное.

[4] Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

[5] Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

[6] Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

[7] Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

[8] Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

[9] Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

[10] Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

[11] Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня;

[12] Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

[13] Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям.

[14] Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы.
[15] И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.
[16] Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.
[17] Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить.
[18] Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все.
[19] Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном.
[20] Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.
[21] Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду».
[22] А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака»*, подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной.
[23] Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя,
[24] Оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.
[25] Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу;
[26] Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.
[27] Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй».
[28] А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.
[29] Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.
[30] И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.
[31] Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную.
[32] А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.
[33] Еще слышали вы, что сказано древним: «не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои».
[34] А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий;
[35] Ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;
[36] Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.
[37] Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого.
[38] Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб».
[39] А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;
[40] И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду;
[41] И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.
[42] Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.
[43] Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего».
[44] А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,
[45] Да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.
[46] Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?
[47] И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?
[48] Итак будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный.

---

*Пустой человек.

6 Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.

[2] Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

[3] У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая,

[4] Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

[5] И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

[6] Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

[7] А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны;

[8] Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

[9] Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;

[10] Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

[11] Хлеб наш насущный дай нам на сей день;

[12] И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

[13] И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

[14] Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный;

[15] А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

[16] Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

[17] А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое,

[18] Чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцем твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

[19] Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляет и где воры подкопывают и крадут;

[20] Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкопывают и не крадут;

[21] Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

[22] Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло;

[23] Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

[24] Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.*

[25] Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело — одежды?

[26] Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?

[27] Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?

[28] И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут;

[29] Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них;

[30] Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!

[31] Итак не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или «во что одеться?»

[32] Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом.

[33] Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.

[34] Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

---

* Богатству.

7 Не судите, да не судимы будете;

[2] Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить.

[3] И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?

[4] Или, как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего»; а вот, в твоем глазе бревно?

[5] Лицемер! вынь прежде бревно из глаза твоего, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

[6] Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.

[7] Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам;

[8] Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

[9] Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?

[10] И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?

[11] Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.

[12] Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки.

[13] Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими;

[14] Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

[15] Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные:

[16] По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?

[17] Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые.

[18] Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.

[19] Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь.

[20] Итак по плодам их узнаете их.

[21] Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного.

[22] Многие скажут Мне в тот день «Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?»

[23] И тогда объявлю им: „Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие».

[24] Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне;

[25] И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне.

[26] А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке;

[27] И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое.

[28] И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его.

[29] Ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи.

Фоторассказ

ЦЕРКВИ Екатеринбурга

1. Ново-Тихвинский женский монастырь. Репродукция с открытки. Зеленая Роща.

2. Вид северо-восточной части Екатеринбурга с церкви Большой Златоуст. Репродукция с фотографии.

1

2

Одна из действующих сегодня в Свердловске церквей — Иоанна-Предтеченская кладбищенская церковь.

3

4

3. Свято-Духовская церковь (Большой Златоуст). Выстроенный в стиле московского барокко, этот храм был заложен 28 мая 1755 года «на оставшийся после смерти купца Филиппа Сокольникова пожиток». Находился на углу Покровского проспекта и Уктусской улицы, ныне угол улиц Малышева и 8-го Марта.

4. Свято-Троицкая старообрядческая церковь. Возведенная в 1839 году на средства купцов Рязановых, она была одной из самых богатых церквей города. После революции церковь лишилась купола, некоторое время в ней помещался кинотеатр «Рот Фронт», в наши дни здесь находится Дом культуры Автомобилистов (ул. Р. Люксембург, 73).

5. Богоявленский кафедральный собор. Заложен 17 июня 1771 года на Главной торговой площади. Этот храм в стиле русского барокко несколько напоминает знаменитый Петропавловский собор в Ленинграде. Богоявленский собор был самым высоким зданием в Екатеринбурге: высота его колокольни с крестом — 31 сажень. По элегантности общего силуэта, изысканности форм — это был один из выдающихся памятников эпохи. С образованием Екатеринбургской епископской кафедры в 1839 году ее разместили в этом соборе, и он получил название Кафедральный. Также стала называться и площадь, на которой он стоял (ныне Площадь 1905 года).

5

6. Вид Екатеринбурга на юго-запад с Вознесенской церкви. Репродукция с фотографии.

7. Вид Екатеринбурга на юго-восток с церкви Большой Златоуст. Репродукция с фотографии.

6

8. Вознесенская церковь. Заложена 16 мая 1792 года. Строительство продолжалось около ста лет. После революции в здании церкви располагалась образцово-показательная школа, а сегодня — отдел истории Свердловского государственного объединенного историко-краеведческого музея.

8

7

9

9. Церковь-школа братства праведного Симеона. Церковное братство праведного Симеона в апреле 1897 года подало прошение о выделении земельного участка под церковь. Разрешение было получено, и к 1908 году церковь, а впоследствии и школа при ней, были построены. Место, где была церковь,— Площадь Обороны.

10. Бывшая часовня Горного училища. Фотография 20—30-х годов. Ныне ул. Ленина, 28.

10

11. Евангелическо-лютеранская кирха святых Петра и Павла. С 1823 года она располагалась в здании Екатеринбургского завода. В 1834 году с разрешения горного начальника кирха заняла помещение в здании Екатеринбургского монетного двора. И лишь в 1871 году для кирхи было приобретено собственное здание.

Здание кирхи, изображенное на фото, было построено в 1894 году. Стояло оно на углу улиц Красноармейская и Малышева.

12. Екатерининский собор. Заложен 16 августа 1758 года, строительство окончено через десять лет. Екатерининский горный собор — главный храм горного округа — назван во имя великомученицы Екатерины. На башне собора, выполненного в византийском стиле, были часы с боем, по которым горожане сверяли свои часы. В соборе хранилась часть мощей Симеона Верхотурского, топазовый потир, дискос и звездица, массивная дарохранительница, украшенная драгоценными камнями. Располагался собор на месте нынешней Площади Труда.

11

Фото из коллекции краеведа
Л. Д. Злоказова.

На стр. 80 — Собор во имя св. Александра Невского. В настоящее время здесь располагается краеведческий музей (г. Свердловск).

12

Словесность

Когда-то эпистолярный жанр не был в таком загоне, как сейчас. Люди любили писать письма и делали это часто и помногу. Более того — они не считали зазорным предавать свои письма печати. Увы, сейчас если и пишут письма в редакции, то — как правило — это или отклики, или жалобы. Мы же решили попытаться возродить давно утраченное и предложили одному хорошему знакомому (профессиональному литературному критику, проживающему в Москве) одного нашего хорошего знакомого писать ему письма с тем, чтобы мы могли их публиковать: письма о литературе, о литературных событиях и — естественно — литературной ситуации. Оба они согласились, первое письмо уже оказалось в редакции, судя по всему, второе где-то на подходе, ходят слухи, что будет и третье. Впрочем, может, кто-то еще хочет попробовать?

...с одной стороны — полная эйфория: дождались! Нет цензуры! После публикации «Архипелага» что еще может быть под запретом? Свобода полная. А с другой стороны, не знаю, чувствуешь ли ты или нет,— некоторая растерянность и даже подавленность. О чем писать сегодня? Как? Кому? Многие жалуются, что вообще не пишется. Хотя, казалось, что мешает? Те же, кому пишется, жалуются, что вяло печатают. А самое интересное, что и редакторы озабочены: нет современной прозы,— это при том, что им килограммами несут ее, свеженькую, новенькую, буквально вчера законченную, но у редакторов свое чутье — это уже не современная литература, сегодня нужно другое. А что нужно?

Посмотри, даже вчерашние «классики» замолчали. Ни Бондарев, ни Анатолий Иванов, ни Проскурин не торопятся осчастливить литературу новыми публикациями. А ведь у них по-прежнему, наверно, сохранился массовый читатель, а уж что касается полка рецензентов, которые кинутся славить их, это абсолютно точно. А — молчат. Остерегаются. Чего? Не знаю. Могу только предположить. Ну, скажем, издашь новый роман, а он не потянет на «эпохальный». Это ж пережить надо. Неспокойно печататься рядом с Солженицыным, Домбровским или, скажем, Набоковым.

Вчерашние лидеры — «сорокалетние» — Крупин, Киреев, Курчаткин, Афанасьев, Ким,— у них свои проблемы. Печатаются, как печатались, а тихо вокруг них стало. Вспомни, какой шум был вокруг «Белки» Кима, а сегодня появился, и не где-нибудь — в «Новом мире» — «Отец-лес» и как-то незаметно, почти не вызвав разговоров, прошел. Хотя и по замыслу, и по сложности — гораздо серьезнее «Белки».

Исписались? Таланта не хватает? Не думаю. Посмотри на Татьяну Толстую. Мало кто входил в литературу так мощно и уверенно. О ней заговорили после трех-четырех опубликованных рассказов. Еще до выхода ее книжки на читательские встречи с Толстой ломились толпами. Я был на такой конференции в библиотеке — довольно просторный зал, а набит был так, что сидели на подоконниках и каких-то подставках для цветов; и часов пять, без перерыва, она держала всех в напряжении, будто ток пропускали через зал,— темперамент мощнейший, напор, эрудиция, реакция, полная независимость и самостоятельность суждений о ком угодно и о чем угодно, да и просто — обаяние ума, таланта. Чего еще надо писателю с такими данными, писателю, у которого в жилах, можно ска-

зать, течет кровь русской литературы? А вот в «Зеркалах», например, она напечатала рассказ «Сомнамбула в тумане», рассказ, уже публиковавшийся «Новым миром». Значит, ничего нового не смогла дать в альманах. И рассказ-то двухлетней давности. Конечно, общественная и прочая жизнь требует сил и энергии,— тут у нас прокатили по ленинградской программе ТВ сюжетец: Толстая против ВААПа — Татьяна Никитична прошлась по кабинетам этой конторы как танк, размазала их, что называется, по стенкам. Это все хорошо. Ну а что с новой книгой? Ведь она прекрасно понимает, что просто написать еще одну такую же — значит, повторять, тиражировать уже достигнутое. Для того, чтобы хотя бы сохранить достигнутую высоту, ей нужно двинуться вперед, сделать рывок, который сделал, скажем, Евгений Попов, напечатав в «Волге» неожиданную для него и, по-моему, замечательнейшую вещь — роман «Записки патриота». Толстая же, начав движение дальше — это движение уже чувствуется в «Сомнамбуле»,— забуксовала. Как будто не решается идти дальше. Сильные резкие жесты — вроде публичного скандала в ВААПе — это не только от силы. Что ей этот ВААП, это ли для нее соперник? Дерзость и напор нужны ей сейчас в другой сфере — в своей литературе. И тут дело не только во внешних личных обстоятельствах. Проблема, на мой взгляд, глубже.

Даже Максимов, редактор «Континента»,— в растерянности: существование его журнала в прежнем виде и дальше— бессмысленно. Он об этом сам говорит в «Юности».

Вот тебе еще один сюжет: представь себе, что лет пять-шесть назад прошел бы по Москве слух, что приезжает Василий Аксенов. Какой бы шорох стоял! Небось, и тебя бы вызвонили из Свердловска, и ты бы стрельнул сотню и рванул в Москву. А вот был, приезжал совсем недавно Василий Аксенов, и что? А ничего. Был Войнович, был Коржавин, был Саша Соколов, теперь — Василий Аксенов — примерно такая реакция у всех. Спокойная. Состоялось несколько его встреч с читателями. Я не пошел, было у меня подозрение, что не надо идти (я недавно читал его книгу «В поисках грустного бэби», и мне не по себе было от ее тона). Увы, я оказался прав. Друзья вернулись со встречи несколько удрученные, дали мне послушать магнитофонную запись вечера. Ты знаешь, это было просто скучно. Скучно и грустно. Ничего от Аксенова, когда-то воплощавшего для нас саму энергию, сам азарт творчества, не было в голосе, который я слушал, в голосе неторопливого, слегка усталого, даже как бы внутренне одышливого, респектабельного джентльмена, долго и нудно сводящего счеты с Конецким, с чиновниками из СП, с литературными врагами из третьей эмиграции и т. д.

Как сказал все в том же интервью Максимов, кончилась эпоха. Действительно, кончилась. Отсюда, видимо, и расте-

рянность писателей, взращенных, как бы там ни было, но этой эпохой и для этой эпохи.

А что же началось?

Той картины нашей литературы, которая была в ходу еще лет пять назад, больше нет. Была четкая схема: официоз — Бондарев, Михаил Алексеев, Проскурин, Марков и их бесчисленные последователи. Близко к официозу ставились деревенская и военная проза. Рядом, уже собственно для читателей, т. н. «литература нравственных исканий» (совершенно бессмысленное словосочетание) — Трифонов, Битов, Искандер, Астафьев, Пулатов, Маканин и т. д. Плюс — «сорокалетние». И еще — так называемые «молодые»: Бежин, Набатникова, Козлов и пр. Такая вот была уютненькая, простенькая схема. И вдруг валом повалили в литературу всякие Вениамины Ерофеевы, Поповы, Викторы Ерофеевы, Рекшаны, Бородины, Кожевниковы, всякие Иванченки, Гавриловы и Бартовы, и несть им числа. С ними-то что делать?! Попробовали критики отработанный ход: образовать из них «новую волну» или «поколение» и в таком виде добавить к уже существующей литературе. Не получилось. Во-первых, уж больно они все разные. А во-вторых, к чему, собственно, их добавлять? Где она, привычная табель о рангах? А нет ее. Возьми ту, пятилетней давности, схемку (см. выше) и попробуй втиснуть в нее Солженицына, Шаламова, нового Тендрякова, всего Искандера, Гроссмана, Войновича, Аксенова, Сашу Соколова, Владимова и т. д. и т. д. Это ведь совсем другая, незнакомая литература получается.

Да и где фундамент той «советской современной литературы», где ее признанные классики? Теперь-то в качестве оной называют Платонова, Булгакова, Пастернака, Мандельштама, Замятина и проч. Кто же остался из классиков, столь милых сердцам наших школьных наставников? Горький? Ну уж извини, старика так оттрепали за последние два года в печати, что даже жалко становится. Маяковский? Очень советую тебе прочитать, в каком виде воскрешает его Карабчиевский в своей книге «Воскресение Маяковского» (журнал «Театр»). Мало того, покусились на самое «святое» — на понятие социалистического реализма. Оно, бедное, под пером нынешних теоретиков представлено уже в виде некоего фанерного чучела, выгоревшего от времени, с облупившейся краской, абсолютно пустого, полого изнутри и совершенно не нужного и не грозного. Даже хочется слегка его подреставрировать и сохранить для экзотики, для ретрухи какой-нибудь.

Вот и получается, что нет никакой «новой волны», потому как если она «новая», то возникает вопрос: по отношению к чему новая? Вся наша нынешняя проза и поэзия — новая, вся она — «другая». От классиков до дебютантов.

Это первое. И второе — на наших глазах начинает меняться функция художественной литературы, само ее положе-

ние в обществе. Почему был в свое время такой массовый спрос на Евтушенко, на Аксенова, на Симонова, Окуджаву, Стругацких, Юрия Давыдова? Да потому, думаю, что читали их прозу и стихи во многом из-за тех политических и прочих иллюзий, которые вызывала эта литература. Ибо литература в России, увы, всегда была вынуждена выполнять еще и функции отсутствовавшей в стране нормальной общественной — гражданской и политической — жизни. А сегодня всякие «фиги в кармане» абсолютно нелепы. Все говорится открытым текстом по тому же ТВ. И совершенно естественно, что массовый читатель накинулся сейчас на газеты, на «Огонек» и «Век XX и мир», на публицистику в толстых журналах. Да просто на митинги начал ходить. А кто же остается читателем художественной литературы? Видимо, те, кому и нужна собственно литература. В литературе происходит не «смена языка», как написала Наталья Иванова в «Знамени», а смена читателя. Самое опасное и болезненное для писателей явление.

Меня на эти мысли навело еще и общение с твоими ленинградскими друзьями — с Мишей, Олей и Региной. Образованные, милые ребята, вполне интеллигентные профессии — химик, балетмейстер, социолог. Все при них — ум, чувство юмора, эрудиция, вкус. И при этом в своем «воспитании чувств» они обошлись — совершенно — без современной нашей литературы. Чтоб быть на уровне культуры своего времени, им вполне хватает отечественной и зарубежной классики, ленинградского театра и кино. Все. Вот Регина, привлеченная шумом, попробовала прочитать «Белые одежды» Дудинцева и не смогла осилить. Скучно. Оставила. Я это хорошо понимаю. Сам с трудом одолел. Сначала раздражала рыхлость и небрежность самой прозы, потом — уровень авторской мысли (ну, об этом, если интересно, в следующий раз). Думаю, что Регина особенно не доискивалась, почему не читается, но она ощутила главное — с ней разговаривают не на равных. Ее учат. А ей этого не нужно. Она вполне взрослая девушка. Ей не учителя нужны, а собеседники. Наша же современная литература и для Миши, и для Оли с Региной — это серая, однообразная масса текстов с почти неразличимой индивидуальной окраской и застарелым пафосом учительства: прочитавший такой текст должен вынести для себя некую мораль, на которую ему предписано ориентироваться в нашем стремительно шагающем к коммунизму обществе. Это литература, где обязательно наличие общественно значимого конфликта, скажем, между прогрессивным бригадиром и консервативным руководством, а на фоне выяснения гражданских позиций разных сторон своим ходом должна развиваться история любви главного технолога к простой наладчице из третьего цеха. И т. д.

Нормальный вкус и духовные потребности Миши или Регины отвергают подобную литературу уже на уровне, если

так можно выразиться, рефлекса. Уж лучше они «Иностранку» почитают, какие-нибудь «Бумаги Мэтлока». Как ни странно, но, на мой взгляд, вот в этом «нечитающем» современную советскую литературу читателе, может быть, и есть ее спасение. Литература, в этом я уверен, зависит от читателя гораздо больше, чем думают критики. Это ведь элементарно. Я, скажем, могу быть интересным и могу быть нудным, нескованным или деревянным — все зависит от собеседника и темы беседы. Так и литература. Ну не интересно Регине беседовать о проблеме организации сельского хозяйства, не волнует ее это. Не мучают ее заботы бригадира Потапова, отказавшегося от премии. Ей гораздо интереснее, думаю, разобраться в вещах более близких и более существенных, скажем, как суметь прожить вот эту свою жизнь и остаться при этом человеком. Согласись, Андрей, дичайшая ситуация — есть читатель, которому от литературы нужно именно это, и как бы есть у нас литература, чье, в сущности, предназначение — разбираться в жизни человеческого сердца. Но при этом и читатель, и литература существуют сами по себе, практически не нуждаясь друг в друге. Наша литература долгие годы пыталась заниматься делом государственным — выращивать нового гражданина, давая ему образцы для подражания — так называемого положительного героя современности. Уже тем самым она изначально игнорировала личность своего читателя, она хотела поставить себя над читателем, «вести» его за собой, пасти, как пастух пасет стадо баранов. И на самом деле сказанное касается не только Фадеева или Островского, Маркова или Проскурина, но и Рыбакова, и Дудинцева, они-то ведь тоже в роли учителей пытаются выступать.

Ну вот, наконец, тот читатель, для которого чтение всегда было родом занятий общественной жизнью, а не формой существования его духа, отходит от литературы, отходит уже в собственно общественную и политическую жизнь. И дай Бог ему здоровья. В аудитории перед растерянными писателями остается, условно говоря, Регина. Сможет ли нынешняя литература найти язык для разговора с ней, стать ей интересной, необходимой? Это задачка посложнее, чем будоражить публику политическими аллюзиями.

Иными словами, если процессы в обществе и в нашем искусстве будут развиваться так, как они развивались последние два года, то нашей литературе предстоит тяжелейшее испытание: доказать свою состоятельность не только как явления общественной жизни, но и явления искусства, явления духовной жизни...

С.

Евгений Попов

ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ

Каждый, кто хоть раз бывал в писательском поселке «Алая Пахра», расположенном на 101-м км Каширского шоссе, не мог не обратить внимания на изящную виллу, приладившуюся в тени деревьев за высоким забором, ограждающим и скрывающим виллу от чужих глаз. Невысокое пропорциональное строение, плод безвестного архитектора-конструктивиста начала 60-х, казалось всем летящим деревянным парусом, положенным на сочную зеленую лужайку с виднеющимися там и сям гнездами маргариток, левкоев, гладиолусов, астр и анютиных глазок. Или бессильным крылом громадного дельтоплана, остальные части которого улетели за границу. Мягкие купы тополей, дарующие прохладу и отдохновение в самый жаркий полдень, дополняли пейзаж экстерьера здания и создавали тот его неповторимый абрис, который и до сих пор живо стоит перед глазами, заставляя вяло волноваться наше бедное, измученное сердце.

Итак, 20 августа 1984 года двое изящно одетых джентльменов пребывали на этой вилле, сидели в главной ее, «каминной» зале, покуривая «Галуаз» и помешивая длинной кованой кочергой малиновые уголья в отгорающем камине.

Один из джентльменов, товарищ лет пятидесяти, высокий, осанистый, с красивыми полуморскими усами, сидел ближе к камину и зябко кутался. Но ему никто бы не дал его пятидесяти двух! Дух, воспитанный чтением хороших книг, тело, тренированное хатха-йогой, и практический отказ от алкоголя делали его почти неуязвимым для этого возраста, и лишь небольшие морщинки, горизонтально пересекающие чело, больше говорили о перенесенных им испытаниях, нежели вся его большая стокилограммовая спортивная фигура, пахнущая французским одеколоном «Драккар» да одетая в мягкие рубчатые джинсы и превосходный пуловер от «Льюис Тостсолт». Мощная шея была обмотана длинным кашемировым шарфом индийского филиала фирмы «Диор». На голове же изящно торчала черная «стетсоновская» шляпа с дырочками.

Товарищ товарища в шляпе выглядел гораздо старше своих лет. На первый взгляд казалось, что его возраст тоже колеблется в указанных пределах, и лишь при внимательном рассматривании и дальнейшем знакомстве становилось ясно, что ему всего лишь 38 лет, из которых 25 он отдал родной литературе. Весь череп его, начиная со лба и заканчивая затылком, пересекала общирная лысина, украшенная небольшим количеством жестких черных волосков, что говорило о незаурядном даровании, пластических способностях и цепком уме этого молодого, как его называли в очередях, человека. Сложен, сбит он был крепко, и было понятно, что если он, обмотав кулак носовым платком, ударит этим кулаком кого-нибудь по лицу, то из этого лица немедленно пойдет кровь. Однако даже при беглом ознакомлении с его добродушной, дышащей спокойствием физиономией становилось ясно, что он, как говорится, «мухи не обидит», видно было также, что он не очень-то в ладах с физкультурой: тело его слегка обрюзгло, хоть и не вышло из берегов, традиционно очерченных для его возраста и образа жизни, а бицепсы, ножные мускулы все еще были упруги, и он резвыми, энергическими шагами пересек «каминную», прежде чем остановиться и усесться во второе кресло перед камином в своих блуджинсах «Ли», майке с надписью «ауэр тикет ту зэ стар» и овчинной жилетке производства казанской меховой фабрики.

— Итак, сегодня 20 августа 1984 года. Кто бы мог подумать? — вдруг сказал он и зачем-то повторил: — 1984-го.

— Да, ты это совершенно точно заметил,— помолчав, иронически отозвался его собеседник. И, выдержав вторую паузу, осторожно спросил: — Спят?

— Спят,— ответил молодой товарищ.

— Обе спят? — тем же обеспокоенным тоном продолжал допытываться собеседник.

— Обои! Как из пушки! — нарочито употребляя вульгаризмы, ответил молодой человек и, внезапно посерьезнев, вдруг тихо сказал: — Я думаю, Василий, что женщины сейчас стали пить гораздо больше мужчин, но никак не могу понять, с чем это связано.

Тот, кого назвали Василием, медленно поднял от огня свою красивую голову.

— Это правильно, Евгений,— так же тихо согласился он.— Но не ищи в этом явлении социальных обусловленностей. Это асоциально, в том смысле слова, который я ему сейчас придаю.

— Да я знаю,— угрюмо отозвался Евгений, и они надолго замолчали, по крайней мере один из них, Василий, который как повернул к камину свое волевое, резко вылепленное лицо, так больше и не поворачивался обратно.

— Ты был на заседании приемной комиссии? — нарушил молчание Евгений.

— Был, как не быть,— нехотя процедил Василий.

— Ну и что? — В голосе спрашивающего слышалась искренняя заинтересованность.

— Забодали Фурдадыкина,— улыбнулся его друг.

— Это хорошо,— рассмеялся Евгений, и опять на долгое время установилась тишина.

— Я довольно много поездил по Державе,— вдруг решительно начал Евгений,— и теперь многие ее города сливаются для меня в одно лицо, имеющее несколько туповатое выражение. Пойми меня правильно, ведь я не хочу, чтобы сказанное мною было истолковано превратно, ибо и сам воочию вижу те ростки новой прекрасной жизни, которые, произрастая в течение многих лет, образовали, наконец, райские кущи, где созрели, наконец, те сладкие неземные плоды. Я скорее именно об этой, как ты выразился, «асоциальной» сфере. Благоденствие в бетонных блочных домах и отдельных благоустроенных квартирах со всеми удобствами стало общим фоном, и я действительно, по-видимому, оторвался от народа, потому что никак не могу с выпуклой четкостью определить эту суть, вершащуюся за бетонными стенами, стеклами, на этих улицах и площадях, украшенных звонкими, певучими фонтанами. Не то, совсем не то было в молодости. Как приятно вспомнить свои юные путешествия по стране! Как живые, стоят у меня перед глазами следующие населенные пункты: Тура, центр Эвенкийского национального округа, 1965-й, навсегда запомню лик этой маленькой северной столицы — туманные сопки с вертолета, где стволы лиственниц, как желтые фаберовские карандаши, и Нижняя Тунгуска величественно катит свои быстрые холодные воды среди нависающих скальных утесов и диких отмелей; или — Одесса, 1962-й, осень, «привоз», арбуз, скандал в шашлычной близ оперного театра, немецкая шляпа, сизые щеки высунувшегося гражданина в подтяжках и классический диалог между этим мужчиной и его женщиной: «Жора, брось курить!» — «Я не в тебя курю, я в Дерибасовскую курю...»; или — Якутск, 1967-й, поле аэродрома, ветер задувает, свистят вертолетные лопасти, якут Николаев фотографирует меня аппаратом «ФЭД», сверкая красивыми металлическими зубами; Алдан, того же года, где и разыгрался тот тривиальный любовный многоугольник, о котором я давно хотел тебе рассказать.

А дело в том, что да, я в те годы был отчаянно, безрассудно молод, юн, не имел прочных сердечных привязанностей и довольствовался короткими, скудными встречами, изредка дарованными мне судьбой. Я знал, что практикантка Таня Д., дочь таежного охотника-промысловика, студентка геологоразведочного техникума, работавшая у нас в качестве младшего техника, то бишь «коллектора», была безнадежно влюблена в главного геолога экспедиции Манджиловского, коренного ленинградца, блестящего ученого с большой широкой бородой, умницу, эрудита, добряка, имевшего несколько нервную, экзальтированную супругу, которую он иногда бивал в пьяном безумном состоянии, но зато потом каждое утро плакал перед ее неприступными коленями, и если бы его слезы окаменели, то их можно было бы вставлять вместо алмазов в тысячерублевые золотые перстни, наделав этих перстней не меньше, чем на миллион рублей. Манджиловская преподавала в музыкальной школе, куда зажиточные жители поселка направляли учиться своих детей, чтобы те в дальнейшем были гораздо более образованны, чем их родители, имеющие очень много денег, но весьма далекие от того, что

составляет тонус и стержень длительного пребывания человека на земле, то есть от культуры. Был богат и отец Тани Д. Да и сама она, будучи типической, по Лондону, «дочерью снегов», являла собой удивительный пример гармонии человеческой особи с окружающей средой. Метиска с задубевшей красноватой кожей, она с детства привыкла к суровым испытаниям условного Севера, каковым являлась ее родная местность, по условиям оплаты труда приравненная к Заполярью. Привыкла к ночевкам в палатках и на снегу, многокилометровым, изнуряющим переходам по сопкам, крытым лишь жестким оленьим ягелем, и плитчатым каменным осколкам, рвущим кеды и резиновые сапоги, стрельбе вдаль и влет из различных видов оружия, включая карабин, постановке силков, разделке туш, ощипованию дичи на морозе, словом, ко всему тому, что диктуется окружающим социумом для выживания натурального человека и его успехов на производстве и в личной жизни. Однако она непосредственно перед поступлением в геологоразведочный техникум тоже занималась в музыкальной школе и даже добилась определенных успехов в игре на баяне, класс которого и вела Манджиловская в этом учебном заведении.

Сейчас, на протяжении уже стольких прошедших лет, я думаю, что не открою тебе, Василий, какого-либо секрета, если скажу, что экспедиция наша искала, как в фильме «Неотправленное письмо», пиролы — минералы группы гранатов густого кровавого цвета, являющиеся спутниками алмазов и при своем обильном нахождении в шурфах ли, пробитых сезонными рабочими-бичами, или просто в речных шлихах, образующихся от промывки соответствующей породы в деревянном старательском лотке, указывавшие на вероятную возможность залегания в непосредственной близости от места обнаружения находки алмазных трубок, столь необходимых Державе для последующей промышленной добычи этих неотшлифованных драгоценностей с целью приоритета страны на мировом рынке и дальнейшего облагодетельствования сограждан, последовательного и неуклонного повышения уровня их жизни. Манджиловский все еще был полон энергии, неудачи не обозлили его, не заставили опустить руки, а годы, проведенные вне Ленинграда, лишь укрепили в нем веру в счастливую звезду и сладкое будущее всего человечества. Таким целеустремленным, резким, всегда готовым принять самое правильное решение в любой сложной ситуации, не дающим спуску лодырям и захребетникам, но одновременно всегда готовым к дружеской шутке и к тому, чтобы спеть в кругу друзей, аккомпанируя себе на гитаре, я и запомнил его и теперь, на протяжении стольких канувших лет, отчетливо понимаю, что такая девушка, как Таня Д., девятнадцати лет, просто не могла в него не влюбиться, просто это было совершенно исключено, чтобы она, северная, не влюбилась в такого молодца.

А надо заметить, что холостая жизнь большого количества мужчин и женщин вне оседлого дома в значительной степени способствовала романтизации действительных отношений между обоими полами, и животворное облако густого терпкого флирта окутывало таежные палатки в свободное от работы время. Якут Николаев ночью носил цветы за 10 км по распадку и складывал их у входа в жилое помещение одной дамы — «геофизички», страдавшей близорукостью. Он складывал цветы, улыбаясь глядел, как ветер чуть-чуть прогибает упругие брезентовые стены палатки, где обитало его божество, и тут же возвращался обратно, чтобы утром, встав вместе со всеми, участвовать в напряженнейшей работе по освоению природных недр Восточной Сибири... Что-то слышал я и о драматической истории начальницы партии Валентины Ивановны

Конь, влюбившейся в мальчишку, а две алданские подружки Валя и Тома просто-напросто не вернулись в техникум после окончания полевой практики и остались жить в палатках, стирая портянки и варя кашу своим новым друзьям. Любимой присказкой Вали было: «Ну ты, падла-курица», а Тома была очень томная.

Не избежал общей участи и я. И у нас с Таней Д. установились какие-то, нельзя даже сказать, что романтические, но все же отношения частичной влюбленности, несмотря на то, что оба мы пользовались в обиходе нецензурными выражениями и не переступали того порога дозволенности, который мировая культура рекомендует в случае подобных, практически целомудренных отношений. Однажды мы, увлеченные сбором ягод, грибов, лекарственных растений, углубились в тайгу, и Таня Д. даже легла на спину, хохоча, но я, смеясь, лишь пощекотал ее блестящие влажные губы, открывавшие полоску ослепительно белых, чуть прокуренных зубов, придорожной былинкой, и она тоже хрипло засмеялась в ответ, с возрастающим любопытством глядя на меня, ибо внешне я отнюдь не был похож на дурака либо импотента.

А дело в том, что я, конечно же, знал о ее безнадежной любви к Манджиловскому, как гораздо позже узнал потом, что его супруга уже однажды избила ее и мужа в присутствии свидетелей, ни один из которых не отказался бы от своих показаний, если бы кто-то заинтересовался подробностями этой безобразной сцены, которая произошла непосредственно после демонстрации в поселковом Доме культуры фильма «Гранатовый браслет», снятого на киностудии «Мосфильм» по одноименному произведению А. И. Куприна. И, не будучи мелкой душонкой, отнюдь не опасаясь крепкого кулака главного геолога, все же считал себя не вправе вторгаться в чужую устоявшуюся жизнь, тем более что моя практика через две недели заканчивалась, и я с замиранием сердца думал о том, как возвращусь в столицу с ее студенческой обстановкой дружбы, культуры и любопытного быта 60-х годов, когда гремели, зажигались и, разгоревшись, сгорали ясным огнем многие славные имена, как буквы на пиру.

К тому же в меня была влюблена плаксивая баскетбольная девица из Киева, к которой я однажды по пьянке приставал, а она мне, как пел покойный В. Высоцкий, «отпустила две короткие затрещины», хотя тут же компенсировала свое поведение исполнением похабнейших куплетов про пещеру, где лежала дрянь, которой «кто-то кинул и пошел бежать», аккомпанируя себе стучанием по верхней деке гитары, отчего у нас с тех пор уже установились какие-то отношения, и мой роман с Таней Д. она, подобно Манджиловскому, тоже могла рассматривать как измену. Однако я совсем не любил ее. Рыхлая и пучеглазая, она мне совершенно не нравилась, и я практически злился, когда видел, что она постепенно вбивает себе в голову что-то, касающееся наших отношений, ибо это тут же отражалось на ее продолговатом лице и телячьей улыбке.

А в тот день, когда все случилось, я был на прииске «Искра», где выпил немного пива и спирту, сидя на деревянной бочке. А потом весело возвращался домой по лунной подмерзшей грейдерной дорожке, громко распевая студенческие песни конца 50-х — начала 60-х, о чем-то мечтая и абсолютно ничего не боясь. А уже стояла поздняя осень, и я забыл тебе рассказать, что в палатке мы жили вчетвером. Девица из Киева — я забыл ее имя и фамилию — спала на раскладушке, а я и Таня Д.— в индивидуальных спальных мешках на кошме,

составляющей пол палатки. Якут Николаев в тот день куда-то уехал.

Когда я возвратился, обе дамы уже спали, но я принес бутылку водки, и киевлянка, открыв глаза, сказала, чтобы ей не мешали спать. А Таня Д., удивительно ладная и проворная, вылезла из спальника и, что-то на себя накинув, вздула огонь, захлопотала у железной печурки, принялась разогревать пельмени, подбрасывать в печурку дровишки, так что яркий свет на секунду озарил наши лица. Я умилился и увидел под ее глазом небольшой синяк, но из деликатности не стал спрашивать, откуда он, не ведая, что вечером, как уже было сказано ранее, она была в поселке, смотрела фильм «Гранатовый браслет» и стала невольной участницей грязного эпизода с женой Манджиловского. Да-да, я только сейчас вспомнил, что ни в тот день, ни раньше я еще не знал об этом эпизоде, узнал позже, а то, может, вел бы себя как-нибудь совсем по-другому, хотя надежды на это мало.

Весело переговариваясь, мы с Таней Д. поужинали, выпили бутылку водки и легли спать.

Сон в палатке — это особый сон. Было слышно, как шуршат таежные ветви, камни осыпаются в реку, отвратительно скрипя пружинами, ворочается на раскладушке моя киевская так называемая любовь. Внезапно я почувствовал на щеке легкое прикосновение пальцев и тут же передвинулся в спальном мешке поближе к Тане Д. Через секунду мы уже жарко целовались. Я запустил руку к ней в спальник и еле слышно спросил:

— А почему ты бритая?

— От вшей. Когда подолгу живешь в тайге, то могут завестись мандавошки,— быстрым шепотом ответила она.

Киевлянка заворочалась еще мощнее.

— Давай я залезу к тебе,— тихо прошептал я в затылок Тане Д.

— Я боюсь, что эта сука не спит и нас подслушивает, прерывисто ответила она.

— А мне уж так хочется,— признался я.

— Да и мне не меньше,— шепнула она, и мы оба засмеялись, довольные друг другом, договорившись исполнить задуманное в более удобное для нас время и в более подходящей обстановке.

Но более удобных времен не бывает никогда, равно как и обстановки. Я убедился в этом наутро, когда между нами троими вдруг возникла страшная неловкость. Киевлянка явно злилась и даже зачем-то подкашливала, как туберкулезница, глядя на нас с подлейшим укором. Через несколько лет, когда я уже жил в городе К., стоящем на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан, она вдруг заявилась ко мне из Киева, пославши предварительно телеграмму, что будет проездом во Владивосток и желает «навестить старого товарища, надеясь на удачу». Но я ей дверь позорно не открыл и, затаив у двери дыхание, долго слушал ее назойливые звонки, удаляющийся вниз по лестнице тяжелый топот слоновьих ног...

Однако Таня Д., несмотря на неловкость, выглядела спокойно. Она припудрила синяк, но когда я попытался украдкой обнять ее, отвела мои руки и сказала, что ее переводят в другую партию. Да и моя практика уже заканчивалась. В тот же день мы все и разъехались. «Мотэ, мотэ!» — уныло кричали погонщики оленей. Звенели бубенцы. Лил серый дождь, смешанный со снегом, оседавшим на навьюченные пожитки. И лишь возвратившись в Москву, я узнал от знакомых геологов, что Таня Д. в тот же самый день застрелилась из карабина... Василий, да ты, никак, спишь?

Василий действительно уже спал, разметавшись. Мало того, он спал уже в собственной постели, ибо Евгений, сильно увлеченный рассказом, как-то и не заметил, что его собеседник давным-давно перебрался от камина в постель и теперь даже немножко похрапывает, жуя во сне ус и что-то бормоча по-английски.

Лицо Евгения исказилось, и он обвел воспаленными глазами весь изящный интерьер дома, отметив про себя, что в широкое остекленное окно тычется лапа ели, над камином висит окрапленная кровью натурального испанского быка натуральная мулета, в углу мерцает экран потухшего телевизора, и камин тоже потух, как потухла под утро печка в его взволнованном рассказе о несостоявшейся любви.

— Спят, спят, все вокруг спят, как «спящие» из моего старого произведения, написанного в 1969-м и до сих пор не опубликованного под надуманными предлогами, что я, дескать, такой и сякой,— заворчал он и вздохнул, продолжая: — Якут Николаев потом утверждал, что Таня Д., как наш русский дореволюционный солдат, сняла сапог, размотала портянку, вставила дуло карабина в рот и большим пальцем правой ноги нажала курок, отчего кровяные ошметки мозга, кожи, волос размазались по брезенту палатки. Да врет, наверное, якут Николаев! Начитался, поди, того же Куприна, пьянь экая, прости, господи! Ведь рассказывал же он, как, закончив институт, поехал к себе домой в селение Вартуй, а по дороге, в Якутске, его друг детства украл у него фотоаппарат «ФЭД», которым он меня когда-то снимал. С горя напился и обнаружил утром, что старейшины селения связали его ремнями, а сами укоризненно цокают языками, пьют чай, собравшись в кружок и дожидаясь его пробуждения, потому что он в день возвращения на родину с дипломом и обмывания значка о высшем образовании в стакане со спиртом к вечеру перебил камнями окна местной милиции, начальником которой был другой друг его детства, но честный. После он работал инженером взрывного отряда и оторвал направленным взрывом ухо бурому медведю, который повадился драть оленей, являющихся государственной собственностью и находящихся у якута Николаева на подотчете. Про якута Николаева тоже нужно написать. Он был очень культурный, любил Кафку и А. Вознесенского, но стоило ему выпить хотя бы 5 граммов водки, как он тут же, на глазах, дичал и начинал крушить все вокруг, чаще всего просыпаясь по утрам связанным с синяками и кровоподтеками,— бормотал Евгений, тоже засыпая.

После чего окончательно затих писательский поселок «Алая Пахра», расположенный на 101-м км Каширского шоссе, потому что Евгений был единственным, кто не спал в этом поселке в столь позднее время, за исключением будущего лауреата Фурдадыкина, но это уже, как говорится, другая история.

Владимир Набоков

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ ДВОЙНОГО ЧУДИЩА

Несколько лет назад доктор Фрике задал мне и Ллойду вопрос, на который теперь я попытаюсь ответить. Погладив с мечтательной улыбкой ублаготворенной учености соединяющую нас толстую хрящевую связку,— omphalopaqus diaphraqmo=xiphodidymus, как выразился в схожем случае Панкоуст,— он осведомился, можем ли мы припомнить самый первый случай, когда кто-то из нас или оба мы осознали необычайность наших обстоятельств и нашей судьбы. Все, что вспомнилось Ллойду,— это как наш дедушка Ибрагим (или Аким, или Ахем — противная груда умерших звуков на наш нынешний слух!), бывало, гладил то, что погладил доктор, и говорил — «золотой мост». Я промолчал.

Наше детство прошло в доме дедушки невдалеке от Караца, на вершине тучного холма, над Черным морем. Младшую из его дочерей, розу Востока, жемчужину седого Ахема (коли так, старый прохвост мог бы приглядывать за ней получше), изнасиловал в придорожном саду наш безымянный родитель, и, едва породив нас, она умерла, полагаю, единственно от ужаса и печали. Одна линия сплетен указывала на венгерского коробейника, другая отдавала предпочтение немецкому коллекционеру птиц либо кому-то из членов его экспедиции — скорее всего, таксидермисту. Сумрачные тетки в тяжелых бусах, в просторных платьях, пропахших бараниной и розовым маслом, с омерзительным рвением удовлетворяли нужды нашего чудовищного младенчества.

В окрестных деревнях скоро проведали о поразительной новости и принялись засылать к нам на двор разного рода любопытствующих чужаков. В праздничные дни они виднелись карабкающимися по склонам нашей горы, будто пилигримы с цветной картинки. Там был пастух ростом в семь футов и лысый человечек в очках, и солдаты, и растущие тени кипарисов. Приходили и дети — во всякое время,— и наши ревнивые няньки пинками гнали их прочь; но почти ежедневно какой-нибудь черноглазый, стриженый юнец в выцветших до голубизны штанах с темными заплатами исхитрялся пролезть сквозь кизил, жимолость и сплетенные стволы иудиных дерев на мощеный дворик со стареньким ревматичным фонтаном, где под известковой стеной тихо сидели, посасывая сушеные абрикосы, малыши Ллойд и Флойд (в то время мы носили иные имена, полные вороньих придыханий,— ну да не важно). Тогда, внезапно, «Ж» сталкивалась с «К», римская два с единицей, ножницы видели нож.

Нельзя, конечно, и сравнивать этот познавательный толчок, каким бы ни был он будоражащим, с эмоциональным ударом, постигшим мою мать (и кстати, сколько чистого блаженства в таком намеренном применении притяжательного в единственном числе!). Она должна была сознавать, что рожает двойню, но узнав, как она несомненно узнала, что двойня оказалась спряженной,— что она испытала тогда? При той несдержанной, невежественной, неистово говорливой родне, что нас окружала, вопль домочадцев должен был подняться прямо у ее измятого ложа, сразу дав ей понять, что случилась какая-то страшная беда; да можно с уверенностью сказать, что в лихорадке испуга и сострадания сестры показали ей двойное дитя. Я не говорю, что мать не может любить такое сдвоенное существо — и забыть в этой любви о темной росе его неблагого зачатия; я только думаю, что смесь отвращения, жалости и материнской любви оказалась ей не по силам. Обе части двойного набора, оказавшиеся перед ее испуганными глазами, были здоровыми, симпатичными маленькими частями с шелковистым светлым пушком на лиловато-розовых черепках, с хорошо сформированными каучуковыми ручками-ножками, двигавшимися, словно множество щупалец какого-то диковинного морского животного. Каждая была явно нормальной, но вместе они образовали чудовище. И впрямь, странно думать, что простая полоска ткани, ломоть плоти размером не более печени ягненка способен превратить радость, гордость, нежность, обожание и благодарность перед Господом в отчаяние и ужас.

В собственном нашем случае все было много проще. Взрослые слишком и во всех отношениях отличались от нас, чтобы понудить к какому-либо сравнению, но первый же сверстник, нас посетивший, явил мне маленькое откровение. Покамест Ллойд безмятежно созерцал пораженного жутью ребенка лет семи или восьми, который глазел на нас из-под горбатого и столь же глазастого инжира, я, помнится, вполне уяснил существенное различие между собой и этим новым лицом. Он отбрасывал на землю короткую синюю тень, я тоже; но в добавление к этому схематичному, плоскому и нестойкому спутнику, которым и он, и я были обязаны солнцу и который покидал нас в пасмурную погоду, я обладал еще одной тенью, осязаемым отраженьем моего телесного я, бывшим всегда при мне, слева, тогда как мой гость как-то сумел потерять свою тень или отстегнуть и оставить дома. Соединенные Ллойд и Флойд были нормальны и полноценны, а этот — ни то ни се.

Но, может быть для того, чтобы прояснить этот предмет в той полноте, которой он заслуживает, я должен что-то сказать о еще более ранних воспоминаниях. Пожалуй,— если только повзрослевшие чувства не заслонили более ранних,— я мог бы положительно засвидетельствовать воспоминания о легком отвращении. Вследствие нашей передней спаренности мы изначально лежали лицом друг к дружке, соединенные общим пупом, и в те первые годы нашего существования мое лицо все время терлось о твердый нос и мокрые губы моего двойника. Естественным следствием этих утомительных соприкасаний стала у нас привычка откидывать головы и отстранять лица по возможности дальше. Значительная гибкость соединивших нас уз позволила нам взаимно принять более или менее боковую позицию, и, научившись ходить, мы так и ковыляли бок о бок, что могло представляться требующим гораздо больших усилий, чем оно было на деле, думаю, мы походили на парочку пьяных гномов, подпиравших один другого. Во сне мы еще долго возвращались в утробную позу; но всякий раз, что ее неудобство нас пробуждало, мы вновь отдергивали лица, с отвращением их отвращали и разражались сдвоенным ревом.

Я утверждаю, что года в три — в четыре наши тела смутно невзлюбили их неловкое сопряжение, хотя сознания и не задавались вопросом о его нормальности. Затем, прежде чем мы сумели осознать его недостатки, телесная интуиция обнаружила средства умерить их, после чего мы вообще о них не задумывались. Каждое наше движение стало сводиться к благоразумному компромиссу общего с отдельным. Рисунок действий, вызванных той или этой взаимной нуждой, образовывал своего рода серый, гладкотканый, абстрактный фон, по которому отдельный порыв, его или мой, следовал курсом более ярким и резким, но (направляемый, так сказать, изгибами основного узора) никогда не шел поперек общего переплетения или же прихоти двойника.

Я сейчас говорю исключительно о нашем детстве, когда природа еще не могла позволить нам подорвать нашу с трудом завоеванную живучесть каким-то взаимным конфликтом. В поздние годы мне случалось пожалеть, что мы не погибли или не были разделены хирургически еще до того, как миновали эту начальную стадию, на которой вечноприсущий ритм, подобный дальним ударам там-тама в джунглях нашей нервной системы, один отвечал за настройку наших движений. Когда, например, один из нас почти наклонялся, чтобы присвоить цветочек, а другой именно в этот миг тянулся за созревшим инжиром, личный успех зависел от того, чье именно движение совпадало с сиюминутным биеньем нашего общего и непрерывного ритма, и тут же с кратким, как при виттовой пляске, содроганьем прерванный жест одного близнеца утопал и истаивал в обогащенной им зыби завершенного действия другого. Я говорю «обогащенной», потому что призрак несорванного цветка, казалось, тоже был здесь,— дрожал между пальцами, охватившими плод.

Могли проходить недели, даже месяцы, во время которых направляющее биение чаще принимало сторону Ллойда, а не мою, потом наступал черед мне оседлать гребень волны; но я не могу припомнить из нашего детства ни единого случая, чтобы невезение или успех по этой части возбудили в ком-то из нас негодование или гордыню.

Впрочем, где-то во мне, верно, сидела чувствительная клетка, дивившаяся странной силе, что вдруг относила меня от предмета случайного вожделения и тащила к иным, нежеланным вещам, которые втал-

кивались в круг моей воли вместо того, чтобы ждать, пока ее усики сознательно достигнут их и оплетут. Поэтому, следя за тем или иным ребенком, следившим за Ллойдом и мной, я, помнится, решал двойную проблему: во-первых, не больше ли преимуществ в одиночной телесности, нежели в той, которой мы обладаем; и, во-вторых, все ли прочие дети — одиночки. Теперь мне приходит в голову, что очень часто проблемы, которые я пытался решать, были двойными: видать, и Ллойд что-то там обмозговывал, и это что-то струйками проникало в мой разум, и одна из соединенных проблем принадлежала ему.

Когда алчный дедушка Ахем решился за деньги показывать нас посетителям, в валом повалившей толпе всегда находился мерзавец, желавший послушать, как мы говорим друг с другом. Как часто бывает у простодушных людей, ему требовалось, чтобы уши подтвердили то, что видят глаза. Наша родня понукала нас удовлетворять желания этого рода и никак не могла уяснить, что в них такого мучительного. Мы могли бы сослаться на застенчивость, но правда была в том, что мы никогда по-настоящему не говорили друг с другом, даже наедине, ибо краткое, отрывистое ворчание нечастой укоризны, каким мы обменивались порой (когда, к примеру, один порежет ногу и только ее забинтуют, как другому приспичит плескаться в ручье), вряд ли могло сойти за диалог. Передачу основных простых ощущений мы осуществляли без слов: то были опавшие листья, плывшие по течению нашего общего кровотока. Мыслям пожиже тоже удавалось кое-как просочиться, и они блуждали между нами. Те, что побогаче, каждый держал при себе, впрочем, и тут случались явления странные. Вот почему я подозреваю, что Ллойд боролся с теми же новыми реальностями, что смущали меня. Он многое забыл, когда вырос. Я не забыл ничего.

Публика не только ждала от нас разговоров, ей также было угодно, чтобы мы вместе играли. Остолопы! Их едва карачун не хватал, когда мы принимались сражаться в шашки или в «музлу». Я полагаю, что, окажись мы разнополыми близнецами, они вынуждали бы нас при них предаваться кровосмесительству. Но поскольку игры друг с дружкой были для нас не привычнее разговоров, мы испытывали тайные муки, когда приходилось неуклюже перекидывать мяч на уровне груди или притворяться, что мы вырываем палку один у другого. Мы срывали бурный аплодисмент, обегая кругом двор и держа руками друг друга за плечи. Мы умели подпрыгивать и кружиться.

Торговец патентованным зельем, плешивый малый в грязной косоворотке, немного знавший по-турецки и по-английски, обучил нас нескольким фразам на этих языках; и затем пришлось демонстрировать наши таланты зачарованной публике. Их распаленные лица еще преследуют меня в ночных кошмарах, ибо они являются всякий раз, когда у постановщика моих снов возникает нужда в статистах. Я снова вижу гигантского бронзоликого пастуха в разноцветных лохмотьях, солдат из Караца, одноглазого и горбатого армянина-портного (тоже чудище в своем роде), хихикающих девчонок, вздыхающих старух, детей, молодых людей, одетых «по-западному» — горящие глаза, белые зубы, черные раззявленные рты,— и, разумеется, дедушку Ахема с носом желтой слоновой кости и в серой шерстяной бороде, он правит представлением или считает засаленные бумажки, облизывая большой-пребольшой палец. Языковед, тот самый, лысый, в вышитой косоворотке, обхаживает одну из моих теток, но сквозь очки в стальной оправе с завистью поглядывает на Ахема.

К девяти годам я совершенно осознал, что мы с Ллойдом — редкостные уродцы. Это знание не возбудило во мне ни особенного восторга, ни особенного стыда, но однажды истеричная стряпуха — усатая женщина, сильно взлюбившая нас и сострадавшая нашей участи,— объявила со страшной божбой, что сию минуту и не сходя с этого места она нас вызволит, распластав блестящим ножом, которым она вдруг замахала по воздуху (дедушка и один из наших новоприобретенных дядьев быстро ее скрутили), и после этого случая я часто утешался праздной мечтой, воображая себя неведомо как отделенным от бедного Ллойда, неведомо как оставшегося в чудищах.

Происшествие с ножом не оставило во мне сильного впечатления, да и, как бы там ни было, вопрос о разделении оставался весьма туманным; но я отчетливо представлял, как тают мои оковы и какое за этим следует ощущение легкости и наготы. Я воображал, как перелезаю ограду — с побелевшими черепами домашних скотов на кольях — и спускаюсь к берегу. Я видел, как я прыгаю с камня на камень и ныряю в мерцающее море, и выбираюсь обратно на берег, и лечу вдоль него с другими голыми детьми. Мне это снилось ночами,— как я сбегаю от дедушки, унося игрушку или котенка, или маленького крабика, прижатого к левому боку. Во сне встречался с несчастным Ллойдом, он ковылял, безнадежно привязанный к ковыляющему двойнику, а я привольно плясал вокруг и лупил их по согнутым спинам.

Интересно, навещали ли и Ллойда такие видения? Доктора полагали, что мы иногда сливали во сне наши сознания. Одним голубовато-серым утром он поднял прутик и нарисовал в пыли трехмачтовый корабль. Только что ночью я видел, как сам рисую такой же корабль в пыли моего сна.

Просторная черная бурка покрывала нам плечи, и, когда мы приседали на корточки, все, кроме наших голов и руки Ллойда, скрывалось в ее спадающих складках. Солнце только что встало, и резкий мартовский воздух стыл слоями полусквозистого льда, в которых плыло пурпурными пятнами кривое иудино дерево в буйном цвету. Длинный белый дом спал за нашими спинами, наполненный жирными женщинами и их дурно пахнущими мужьями. Мы ни о чем не договаривались, мы даже не взглянули один на другого, просто Ллойд отбросил пруток, обнял меня правой рукой за плечо, как делал, когда хотел, чтобы мы шли побыстрее, и, волоча среди мертвых трав край нашего общего одеяния, мы стали спускаться к берегу по дороге, обсаженной кипарисами, и камушки потекли из-под наших ног.

То была первая наша попытка приблизиться к морю, которое виделось нам с вершины холма мягко светящимся вдали и в ленивом безмолвии бьющим о лоснистые скалы. Мне нет нужды напрягать память, чтобы связать это спотыкливое бегство с определенным поворотом в нашей судьбе. За несколько недель до того, в двенадцатый день нашего рождения, дедушку Ибрагима осенила идея послать нас в общество новейшего из наших дядьев в шестимесячное деревенское турне. Целыми днями они препирались насчет условий, ссорились и разок подрались, и Ахем победил.

Дедушку мы боялись, а дядю Новуса ненавидели. Видимо, мы на свой туповатый и жалкий манер (ничего не зная о жизни, но смутно сознавая, что дядя Новус намерен надуть дедушку), ощущали необходимость предпринять что-то, что помешает хозяину балагана

таскать нас по округе в разъездной тюрьме наподобие обезьян и орлов; а может быть, нас просто подталкивала мысль, что перед нами последний шанс насладиться нашей малой свободой и сделать нечто совершенно запретное — выйти за пределы определенной ограды, отворить определенную калитку.

Эту хлипенькую калитку мы отворили без затруднений; но не сумели снова захлопнуть ее. Грязно-белый ягненок с янтарными глазками и карминовой меткой на жестком и плоском лбу ненадолго увязался за нами, но отстал, заблудившись в дубовом подлеске. Чуть ниже, но все еще высоко над долиной, нам предстояло пересечь дорогу, охлестнувшую холм и связавшую нашу усадьбу с прибрежным шоссе. Стук копыт и скрежет колес заслышались сверху, и мы повалились в кусты — бурка и все остальное. Когда грохот утих, мы перешли дорогу и стали спускаться по травянистому склону. Серебристое море потихоньку скрывалось за кипарисами и остатками старых каменных стен. Черная бурка становилась тяжелой и жаркой, но мы предпочли оставаться под ее защитой, боясь, что иначе какой-нибудь прохожий может заметить нашу немощь.

Мы вылезли на береговую дорогу в нескольких футах от звучного моря — и тут, под кипарисами, стояла в ожидании знакомая тележка, род двуколки на высоких колесах, и дядюшка Новус как раз выбирался из кузова. Каверзный, темный, амбициозный, беспечный человечишка! Несколькими минутами раньше он углядел нас с одной из галерей дедушкиного дома и не смог побороть искушения выгадать на побеге, чудесным образом позволявшем ему завладеть нами без каких бы то ни было крику и драки. Понося двух пугливых лошадок, он грубо подсадил нас в двуколку. Головы он наши затолкал пониже и пригрозил, что побьет нас, если мы попробуем пикнуть под буркой. Руки Ллойда еще лежали у меня на плечах, но колыханья повозки их скоро стряхнули. Колеса теперь похрустывали и вертелись. Прошло какое-то время, пока мы поняли, что наш возница везет нас вовсе не к дому.

Двадцать лет минуло с того серого весеннего утра, но оно сохранилось в моей памяти лучше многих последующих событий. Снова и снова я просматриваю его, словно фильмовую ленту,— подобно моим знакомцам, великим комедиантам, когда они изучают свою игру. Подобно им, я озираю все вехи и обстоятельства, и случайные мелочи нашего прерванного побега — первоначальную дрожь, калитку, ягненка, скользкий склон под нашими неуклюжими лапами. Для вспугнутых нами скворцов мы, наверное, являли редкое зрелище — черная бурка и торчащие из нее две стриженые головки. Головки опасливо вертелись туда-сюда, пока, наконец, не добрались до прибрежного тракта. Если бы в эту минуту на берег ступил с корабля, вставшего на якорь в заливе, какой-нибудь чужестранный искатель приключений, его, пожалуй, прохватил бы озноб древнего волшебства от встречи лицом к лицу среди кипарисов и белого камня с кротким мифологическим чудовищем. Может быть, он поклонился бы нам и пролил сладкие слезы. Но, увы,— встретить нас было некому, кроме того нервного вора, нашего озабоченного похитителя, человечка с кукольным личиком в дешевых очках, одно из стекол которых наспех латала полоска лечебного пластыря.

Итака, 1950.
Перевод с английского С. Ильина.

Виталий Кальпиди

Апология ночи

Аркадию Бурштейну

Освещавшие ночь факелами, лучиной, промышленным светом —
уплотняли ее по краям: дурачье, пацанва!

«Как мне хочется выйти из этой остуженной ночи»,— писал я,
но с этим
завязал, и сквозь буквы пробились полынь и пустая трава.

Раньше думал: поэт — небожитель, учитель и прочая феня.
А теперь, капитально достроив кромешную ночь,
обживаю ее: вот варенье варю, вот солю (как их то бишь?) —
соленья.
Вот нормально упала, споткнувшись, моя слепоокая дочь.

Мой истраченный взгляд, превратившийся в сны Полифема,
легче штопора входит в меня, он — продажный солдат,
повернувший ружье и припавший на злое колено
(я подобной метафоре в юности был беззастенчиво рад).
Что он видел: как трахал я девок в кошачьих подъездах
(вряд ли эта строка пролетит сквозь редакторский ценз),
пару троек людей, что зовутся на всех переездах
в переводе с английского (рифма понятна) — друзья,
и наивную мать, что сшивала семью из мужей неудачных
и денег,
Шиву рукоприкладств, то есть следствие этой семьи?
Я ругаю свой взгляд, так ругается пьяный подельник,
в пах послав пахану каратэ мимолетной вины.
Ночь наивнее дня (если сразу не офонарела),
говорят, на нее наклепал (мать его!) бандитизм,
но не знаю, как вас, а меня она враз обогрела,
не взирая на то, что я дурень, поэт и садист.

И меня понимает в Свердловске печальный Аркадий,
он не плачет, но ждет, когда слезы глаза растворят.
Его кухня ночная нужнее античных аркадий.

Ох, цвет глаз уникальней, чем ими построенный взгляд.

И не плачу я здесь, а, наверное, надо заплакать:
обживающий ночь потеряет семью и родных,
и отменится правило — чувствовать дружеский локоть,
кстати, часто готовый нечаянно въехать под дых.

и в конечном итоге, упав возле пролитой водки,
ты в единственном сне Полифема (кино для слепых?)
поплывешь Одиссеем (тут пропуск) на весельной лодке.
Очень весело плыть, если сон не закончишь в живых.

Примерявший Глаза примеряет глаза цвета хаки.
Обживающий Ночь обживает ее до утра.
Посылающий Взгляд посылает его за бараки,
как «шестерку», назад приносящего (пауза) враки,
от которых, как утром с похмелья, болит голова.

Ночная пауза

Тише-тише, чуть-чуть, под сурдинку, уняв шепелявость,
тонким свистом, примерно таким, когда гибнет трава,
писком крови, несущей из ранки нестрашную малость,
малость полумолекул, еще не успевших одеться в слова —

этим Голосом с общей длиной в полтора сантиметра
не ударишь в пространство, желавшее выдержать крик,
не ударишь пространство, желавшее тронуться ветром,
если Голос случайно на периферии возник.

Все одно: мне придется убавить его сколь возможно,
но не до смерти, чтоб не загнулся, согнувшись в нуле,
и попробовать воздух нагреть больше ласково, чем осторожно,
не словами, а тем, что от слов остается в золе.

И осталось: «воркунья, смоковница ты, неумеха,
здравствуй, рева, пловчиха...» (Он все же упал до нуля)
Я — молчок, а не то, очень просто случится потеха,
если Книга проснется, жестокая книга моя.
Она спит на столе, огрызается сдержанным храпом,
и не пустит твою седину прикорнуть на столе...

Видно можно в любви признаваться вот так — на арапа,
когда Бэлу твою на арабском несут скакуне.

Сентябрь 1989

* * *

Борзеет Третий Рим, и Первый не разрушен.
Провинцию опять надует новый цезарь.
Надкушен скучный человек, как лысый фрукт надкушен,
смеркает [illegible] надкус, как в яблоке надрезы.
Я тоже человек, нейтральный как Монако.

В Челябу прет зима, как армия Манштейна.
(Сравнения смешат? Согласен. Но, однако,
как с вами говорить: живем ведь параллельно?)

Ужаленный вином, я не вписался в этот
серьезный Поворот измученной державы:
трусливо отбежав, я тихо стал поэтом —
и пусть благословлять других идет Державин.

(Давайте к смыслу повернем, пока он не заржавел)

Вначале Некто сочинил Слова. Яйцеобразный
их облик благостно висел над огнеземноводьем,
и вдруг сломалась скорлупа, и вымысел заразный
пополз пустоты облучать, столбя свои угодья:
и вот, хромает Скорпион, и ленится Отрава,
вскочила Тень и пала ниц, олег спешит к Дружине,
а я, тщедушный человек, полжизни (Боже правый)
ломаю странные слова и все, что спит за ними.
К примеру: радуга взошла; с восторгом лицеиста
мы шею этого коня почти спектральной масти
поем уж скоро двести лет. Поймем ли через триста,
что это — десен разноцвет в змеиной — настежь — пасти?

Мой мозг стоит на трех китах, но плавает по морю
шикарной памяти моей (вам — пресной, мне — соленой)
— От слез?
— Какая ерунда! Не отпасую горю
родную каторгу мою, мой срок вечнозеленый.

сентябрь 1989 г.

Алексей Дидуров

Ночь самурая

Мы с нею в коммуналку поднялись.

Весь лифт, вознесший нас, заблеван был —
Октябрьские праздники кончались.
Кончалась ночь девятого числа.

«Ты извини, но мне пока нельзя»,—
Она сказала. Села. Закурила,
Разглядывая комнату мою.
«А дома-то не хватятся тебя?» —
«Муж пьян и дрыхнет. И ребенок спит...» —
«Понятно. Раздевайся и ложись».—
«Давно один живешь?» — «Один — давно».—
«Соседей много?» — «Да. И все мои.
Так ты ложишься?» — «Я предупредила».—
«Ложись, я помню».— «Ладно. Отвернись».
Я встал к окну и лоб упер в стекло.
Не для того, чтоб остудить его —
Я был спокоен.

Просто так был ближе
Безмолвный город, спящий тяжким сном
В дешевых бусах лампочек, в порезах каких-то лозунгов
И транспорантов,
В дожде, во влажной бледности снегов,
Покрывшей крыши, крыши, крыши, крыши —
И все, что между нами и под ними
Со мною было.

Было и прошло...—

А в комнате остался от меня
Мой слух, впивавший шорохи белья,
И вверх и вниз ползущего по телу,
Дрожащее дыхание ее
И скрип паркета, и шажки босые;
И краткий выдох старенькой тахты.

Тогда разделся быстренько и я,
Не оборачиваясь почему-то.
Вжал кнопку в основанье ночника
И влез в постель. Не глядя на нее.
«Я закурю, не возражаешь?» — «Нет».
Сказал, давясь и зажигая спичку,
Ругнулся про себя от серной вони
И на мгновенье замер, вдруг увидев
Глаза, в которых пламя, стыд и слезы.

Утюжа взглядом серый потолок,
Я попытался погасить мандраж,
Она же, как я понял, отвернулась,
И лишь потрескиванье табака
Да жаркие багровые зарницы,
Мне показалось, мрак и тишину
Немного чаще стали нарушать,
Но вот она отправила окурок
На дно пустой бутылки из-под пива,
Какую вместо пепельницы дал.
Привстала и сказала с хрипотцой:
«Мне надо выйти. Дай мне свой халат».

Халатов отродясь я не имел.

И дал ей кимоно для каратэ.

Потом я услыхал, как вслед за ней
Зашлепала одна из старых фурий,
Чужую угадавшая в норе,
И я с усмешкой пленного орла,
Которого я видел в зоопарке,
Дежурный мат к скандалу заготовил
И стал его, прислушиваясь, ждать,—

Прикидывая спешно между тем,
Куда мотать наутро или сразу,
Как выпрут и из этого жилья,
А выпрут обязательно, ведь я
Им шороху задам через секунду...—

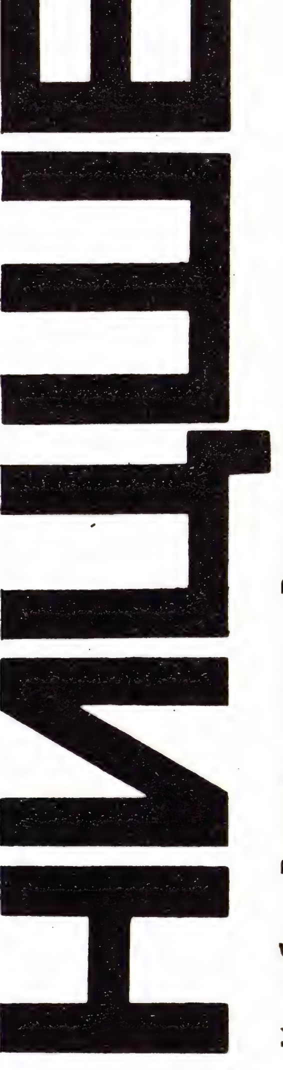
Но услыхал в пещере коридора
Испуганный, почти мышиный визг,
Пожарный топот шлепанцев, и сразу —
Хлопок захлопнутой с усердьем двери
И мягкие, спокойные шаги.

Вошла.
        Прикрыла дверь.
                                И прошептала:
«Нет, мне еще нельзя. Не обижайся...»
Привстав на локте, я расхохотался
В насупленной квартирной темноте:
Передо мной стоял мальчишка-воин!

Ночь сделала четырнадцатилетним
Ее тысячелетнее лицо.

Философия и культура

Фридрих

Из работ «Веселая наука», «Воля к мощи», «Человеческое, чересчур человеческое»

Женщины и их действие на расстоянии

Вся эта шумная суматоха вокруг нас является причиной тому, что счастью мы отводим место где-то в тишине и вдали. Когда мужчина окружен собственным шумом, шумом своего прибоя, где, как волны, сменяют друг друга поступки и новые замыслы, он видит, как вдали, будто волшебные корабли под парусами, тихо скользят чудесные существа, покою и счастью которых он страстно завидует. Эти существа — женщины. Он почти готов думать, что там, у женщин, его лучшее Я: там, в тиши, даже самый бешеный прибой превращается в

штиль, а жизнь — в мечту о жизни. Но! Но! Милый мой мечтатель! И на самом прекрасном паруснике так много шума и суеты — к сожалению, шума гораздо более мелочного и пустого. Очарование женщин и влияние их, если говорить ученым языком, заключается в действии на расстоянии: прежде всего и ранее всего — держать дистанцию!

* * *

Все богатейшие неординарные натуры получили свой нравственный характер благодаря влиянию женщины, которую они любили. Только благодаря прикосновению женщины многие великие люди вышли на свой великий путь: они увидели свое изображение в зеркале, которое увеличивает и упрощает.

* * *

Нужно прочувствовать во всей глубине, какое это благо, что существует женщина.

* * *

Женщина, которая понимает, что она сдерживает полет своего мужа, должна покинуть его — но почему же тогда не слыхать о таком проявлении любви!

Любовь

Любовь прощает любимому даже вожделение.

Женщина в музыке

Как получается, что теплые и дождливые ветры приносят с собой и музыкальное настроение, и затейливость мелодий! Быть может, это те самые ветры, которые наполняют церкви и навевают женщинам влюбленные мысли!

Самопожертвование

Есть благородные женщины с некоторой скудностью духа, которые, чтобы выразить свое глубочайшее самопожертвование, не могут найти ничего лучше, кроме как поступиться своей добродетелью и стыдом: для них это — высшая жертва. И часто дар принимается мужчиной, который не сознает себя столь обязанным, как то предполагает дарящая. Ах, что за грустная история...

* * *

Я не люблю и вашего принципа брака: мне претит его корявый перст, указующий на права мужа. Я желал бы, чтобы вы вели речь о праве на брак и давали бы это право — в редких случаях; но в самом браке есть только обязанности и нет никаких прав.

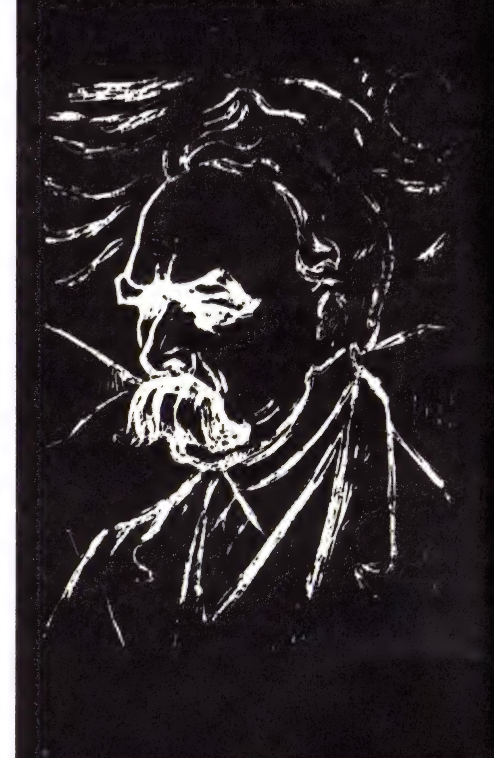
О девичьей непорочности

Есть нечто удивительное и даже чудовищное в воспитании девушек из лучших семей; наверное, нет ничего более парадоксального. Весь свет согласен в том, что их надо воспитывать по возможности в максимальном неведении относительно всего, что касается эротики, в глубочайшем стыде перед ней — так, чтобы в душе при любом упоминании этих вещей поднималась крайняя нетерпимость и стремление из-

бежать их. Вся «честь» девушки здесь, в сущности, поставлена на карту: проигрыш непростителен! Но здесь она остается в полном неведении — до глубины души: об этом «зле» она не должна ни слушать, ни говорить, ни думать, ни видеть его. Ведь само знание здесь — уже зло. И что же! Что за ужасный удар постигает девушку в первую брачную ночь, что за ужасная реальность и ужасное знание. И именно от того, кого она любит и кого ставит выше всех! Приходят в противоречие любовь и стыд; восхищение, сострадание, ужас, порожденные неожиданным соседством бога и животного, и все остальное, чего только еще ни приходится пережить в этот момент женщине — все это завязывает такие тугие узлы в душе, что подобные им едва ли отыщутся. Недостаточно даже сострадающего любопытства наимудрейшего из знатоков человечества, чтобы угадать, как та или другая женщина справляется с решением этой загадки и загадкой этого решения; что за жуткие, далеко идущие подозрения должны при этом рождаться в бедной, загнанной в угол душе; и даже какая последняя философия и женский скепсис берут отсюда начало! За этим следует столь же глубокое молчание, что и ранее, то же стремление закрыть глаза на себя самое. Молодые женщины изо всех сил стараются показаться бездумными и легкомысленными, а наиболее утонченные из них притворяются дерзкими. Женщины с легкостью воспринимают своих мужей как знак вопроса о своей чести, а своих детей — как апологию и покаяние. Они нуждаются в детях и желают их совершенно иначе, чем желает детей мужчина. Короче: нельзя быть достаточно нежным с женщиной. Любой нежности здесь — недостаточно.

Воля и готовность исполнять волю

Привели однажды юношу к мудрецу и сказали: «Посмотри, вот один из тех, кто испорчен женщинами!» Мудрец покачал головой и улыбнулся. «Мужчины — вот кто портит женщин! — воскликнул он. И за все, чего не хватает у женщин, спрашивать надо с мужчин, они же должны поправить это. Ведь мужчина создает для себя образ женщи-

ны, а женщина лепит себя в соответствии с этим образом». — «Ты слишком снисходителен и добр к женщинам,— сказал один из тех, кто стоял вокруг.— Ты не знаешь их!» Мудрец ответил: «Удел мужчины — воля, удел женщины — готовность исполнять волю. Таков закон пола, закон, поистине жестокий к женщине! Все люди не могут нести вину за свое существование, но женщины невинны вдвойне: кто нашел бы достаточно сострадания и нежности для них!»

«Какое сострадание! Какая там нежность! — закричал другой из толпы.— Надо лучше воспитывать женщин!»

«Надо лучше воспитывать мужчин»,— сказал мудрец и поманил за собой юношу. Но юноша за ним не последовал.

Совершенная женщина

Более высокий тип человека, чем совершенный мужчина. Но и встречается она гораздо реже!

Дружба и супружество

Тот, кто лучше умеет дружить, находит и лучшую супругу, потому что хороший брак основан на таланте к дружбе.

Продолжение родителей

Неустранимые несходства в характерах и взглядах родителей продолжают диссонансом звучать в существе ребенка и становятся причиной истории его внутренних страданий.

Скопирован с матери

Каждый носит в себе образ женщины, скопированный с матери: этим определяется, будет ли он уважать женщин вообще, будет ли презирать их или останется к ним безразличным.

Исправить природу

Если не имеешь достойного отца, обзаведись им!

Мужской недуг

Против мужского недуга — принижения собственных способностей и презрения к себе — вернее всего помогает одно средство: любовь умной женщины.

Разновидность ревности

Матери легко испытывают ревность к друзьям их сыновей, если эти друзья добиваются особенных успехов. Обыкновенно мать любит в своем сыне себя больше, чем самого сына.

Материнские добродетели

Одним матерям нужны счастливые, уважаемые дети, другим — несчастные: в ином случае они не смогли бы показать себя хорошими матерями.

Вздохи о разном

Некоторые мужья вздыхают, что у них увели жену, но боль-

шинство вздыхает, что никто не захотел этого сделать.

Женитьба по любви

Браки, заключенные по любви, порождены сочетанием ошибки и необходимости (потребности).

Дружба женщины

Женщина легко может завести дружбу с мужчиной, но вот для того, чтобы сохранить ее — тут должна помочь легкая физическая антипатия.

Скука

Многие люди, особенно — женщины, никогда не испытывают скуки, потому что никогда не были научены работать по-настоящему.

Составляющая любви

В каждом виде женской любви присутствует нечто от любви материнской.

Единство места и драма

Если бы супруги не жили вместе, благополучных браков было бы больше.

Обычные последствия брака

Любая связь между людьми, если она не возвышает, тянет вниз, заставляя опускаться, и наоборот. Поэтому мужчины, женившись, обыкновенно несколько опускаются, а жены несколько приподнимаются. Мужчины чересчур умные настолько же нуждаются в женитьбе, насколько они противятся ей — как горькому лекарству.

Учиться командовать

Воспитатели столь же основательно должны учить командовать детей из скромных семей, сколь остальных — подчиняться.

Прочный брак

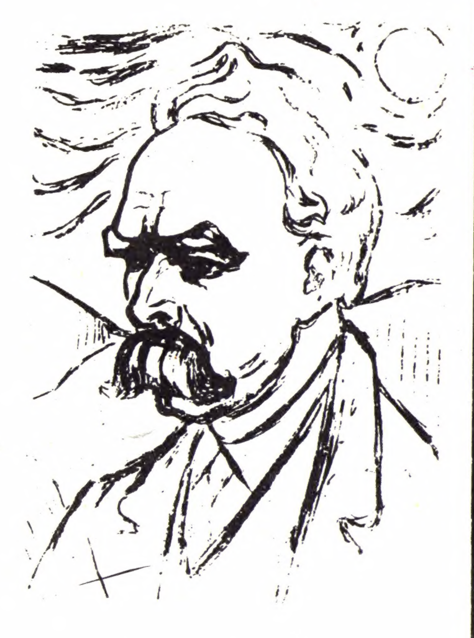
Супружество, в котором каждый использует другого как средство достичь собственной цели, бывает прочным — например, когда жена хочет благодаря мужу стать известной, а муж благодаря жене — обрести всеобщие симпатии.

Любить и владеть

Женщины любят по большей части мужчину значительного, и хотят владеть им безраздельно. Они охотно держали бы его под замком, если бы не их тщеславие, которое требует, чтобы он показывал свою значительность и перед другими.

Супружество как долгий разговор

При вступлении в брак следовало бы задавать вопрос: ты полагаешь, что сможешь хорошо разговаривать с этой женщиной до старости! Все осталь-

ное в супружестве преходяще, а большая часть общения — это разговор.

Испытание счастливого брака

Прочность супружества сохраняется благодаря тому, что однажды выдерживает «исключение из правила».

Благопристойность и честность

Те девушки, которые желали бы только за счет привлекательности своей молодости обеспечить себя на всю жизнь и которым в их хитрых замыслах суфлируют умудренные опытом матери, хотят того же, что и гетеры, разве что они, в сравнении с последними, более умны и менее честны.

Маски

Есть женщины, у которых за масками нет никакой собственной души, как ни пытаются у них найти эту душу. Достоин жалости тот мужчина, который свяжется с такими существами, которые все время ускользают, как призрак. Но именно они способны больше всего разжечь страсть мужчины: он ищет их душу — и все ищет, и ищет, и ищет...

Девичьи мечты

Неопытные девушки тешат себя мыслью, что в их власти осчастливить мужчину; позднее они узнают, что это — презрение к мужчине — считать, будто ему достаточно девушки, чтобы сделаться счастливым. Тщеславие женщины требует, чтобы мужчина был чем-то большим, чем просто счастливым супругом.

Женский ум

Ум женщины являет себя как совершенный диктат, присутствие духа, использование всех преимуществ. Она передает его по наследству детям, как свое основное качество, а отец добавляет к этому более темный фон воли. Его влияние как бы определяет ритм и тональность, в которых должна быть сыграна пьеса новой жизни: но мелодия ее задается женщиной. Для тех, кто способен что-то понять, скажу: женщина — есть рассудок, мужчина — это чувство и страсть. Этому не противоречит то, что мужчины

на самом деле продвигаются с помощью своего разума значительно дальше: просто у них более глубокие и более сильные инстинкты, они и движут их рассудок, представляющий сам по себе нечто пассивное, значительно дальше. Женщины часто удивляются втихомолку, когда мужчины превозносят их способность чувствовать. При выборе спутника жизни мужчины ищут прежде всего существо глубоко чувствующее, а женщины — существо разумное, отличающееся самообладанием и выдающимися способностями — то есть в основе своей ясно, что мужчина ищет идеализированного мужчину, а женщина — идеализированную женщину, иными словами — не дополнение, а совершенное воплощение собственных достоинств.

Влюблены близорукие

Иной раз достаточно надеть на влюбленного более сильные очки, чтобы излечить его: а тот, кто обладал бы достаточной способностью воображения, чтобы представить себе лицо, весь облик объекта своей любви через двадцать лет, шел бы по жизни в совершенном покое и безмятежности.

Женщины в ненависти

В состоянии ненависти женщины опаснее мужчин: первонаперво потому, что они не сдерживаются оглядкой на то, насколько оправдано и справедливо однажды возбужденное чувство неприязни, а без помех дают вырасти своей ненависти до последнего предела; далее — потому, что они научены находить открытые раны, которые есть у любого, и колоть в них, для чего им хорошо служит острый, как кинжал, рассудок. (Тогда как мужчины при виде открытых ран сдерживают себя, часто проявляют великодушие и бывают настроены на примирение.)

Кто страдает больше

С момента разлада и ссоры между женщиной и мужчиной одна сторона больше всего печется о том, как бы не причинить другой боль, тогда как другая печется о том, как бы не причинить недостаточно боли, стараясь слезами, страданиями, расстроенным лицом еще добавить тяжести на сердце.

Супружество для двадцатилетних — необходимый, для тридцатилетних — полезный, но не необходимый институт; для позднейшей жизни оно часто становится вредным и способствует духовной деградации мужчины.

Милый противник

Естественная склонность женщин к спокойному, плавному, счастливо-гармоническому существованию и отношениям, их умиротворяющее и успокаивающее влияние на море жизни непроизвольно противодействует более героическому внутреннему

порыву мужчины, вольного духом. Не замечая того, женщины действуют так, как будто они убирают с тропинки геолога камни, чтобы он не споткнулся, натолкнувшись на них,— тогда как он отправился в путь именно затем, чтобы на них натолкнуться.

Ксантиппа

Сократ нашел себе такую женщину, которая ему была нужна,— но он не искал бы ее, если бы он ее достаточно хорошо знал: столь далеко не зашел бы героизм даже этого вольного духом мыслителя. На самом деле Ксантиппа все более и более заставляла его углубиться в уникальное призвание, сделав его дом неуютным, а жилище — не пригодным для житья. Она приучала его жить на улице и во всех тех местах, где можно было спокойно разглагольствовать и по необходимости вести умеренный образ жизни — и сделала его, таким образом, великим афинским уличным диалектиком...

Неженское

«Глупа, как мужик»,— говорят женщины. «Труслив, как баба»,— говорят мужчины. Глупость — это у женщины неженское.

Перевел с немецкого
А. Перцев

Портрет Ф. Ницше работы норвежского художника Эдварда МУНКА. 1906.

